

Валерий Большаков

Ликвидатор заклятий

Валерий Большаков

Ликвидатор заклѣтій

«Автор»

2022

Большаков В. П.

Ликвидатор заклятий / В. П. Большаков — «Автор», 2022

2041 год. Жил-был Рома Кнуров - выпускник школы и скрытый метагом. А может, и маг. И все-то у него было хорошо, пока не убили родителей. Роман стал бездомным и отверженным, с одним желанием - отомстить убийцам. Найти того, кто принес ему горе - и тоже наказать. Рома не один, рядом с ним андроид УР, друзья, учитель и любимая девушка. В Кнурове бушуют непонятные силы, но научится ли он подчинять их себе? Справится ли с обидами, гонором и гордыней? Выйдет ли на след могущественного врага?

© Большаков В. П., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Полукровка	8
Глава 2. Вирт	16
Глава 3. Зачистка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Большаков

Ликвидатор заклятий

Пролог

Роман Кнуров появился на свет 1 мая 2025 года в щербинском роддоме – как бы в Москве, хоть и в Новой.

Ну, эти подробности он узнал чуть позже, а тогда, в первые секунды появления на свет, Рома видел лишь бедра матери – теплые, нежно-бархатистые на ощупь, трепетавшие в отчаянном усилии.

Большие руки врача приняли его тельце, шлепнули по попе, и Кнуров издал свой первый крик. Жизнь удалась!

Он помнил все – и потное, изнемогшее, но счастливое лицо матери, лежавшей среди смятых простыней, и доброго, усталого доктора Стогова, и то, как сияла акушерка Елена Михайловна, словно сама родила...

Что мог Роман понимать в первый час своего земного существования? Да ничего.

Он слышал слова, произносимые докторским басом и высоким звонким голосом матери, но не разумел это смешение звуков – раскатистых, шипящих, зудящих, переливчатых, – лишь улавливал скрытую в них любовь и заботу.

Потом Ромку запеленали, мама протянула к нему руки, и пищавший сверток передали роженице. Кнуров хорошо помнит мягкое, обволакивавшее тепло маминого тела, и большую тугую грудь, набрякший сосок и вкус молока.

Он чмокал, насыщаясь, елозил ладошками по упругой выпуклости, а его головенку ласково гладила женская рука, вздрагивавшая от слабости...

Эти первые часы бытия, складывавшиеся в дни, врезались в память Роману, как письма на скрижали. Кнурову было хорошо и абсолютно спокойно, тревоги попросту отсутствовали в его крошечном мире.

Как будто теплое, уютное море плескалось вокруг, мелкое – не утонешь, и никогда над ним не задувал ветерок беспокойства...

Прошло несколько дней, и у Ромы появился второй родной человек – «папа», «Эдуард Кнуров», «отец ребенка».

Это был огромный, красивый человек. Он громко смеялся, ласково называл маму «хомяком», и все просил поддержать «хомячонка». «Светлана» – такое имя было у «родительницы» – светилась радостью и доверяла «Эдуарду Кнурову» свое сокровище.

Кнуров был суетлив и неуклюж. Его сильные руки обнимали сына, прижимали к себе, боясь выронить, а лицо выражало растерянность и смущение, даже смятение от встречи с дитем.

Папа забрал маму с «наследником» из дома родильного в дом родной, сам отнес Ромку в детскую и уложил в кроватку. Жизнь потекла тихо и мирно, раз и навсегда заведенным порядком – скучная, однообразная, семейная.

Отец вечно пропадал на работе, а мама все время была очень занята – готовила кашку для «Ромки-хомки», стирала, гуляла с коляской, наводила чистоту. Кнуров-старший всё порывался помочь с уборкой, но Светлана вежливо гнала его из детской. Генералить ей было не в тягость – мама то и дело напевала веселенький мотивчик или просто улыбалась, разгибала натруженную спину – и смеялась, вызывая ответное агуканье из кроватки.

Но иногда женщина печалилась. Маленький Роман чутьем улавливал периоды маминой грусти с теми днями, когда отсутствовал папа. Потом отец все-таки приходил.

Светлана радовалась, сразу делаясь веселой и оживленной.

Однажды мама произнесла то, что хотела сказать давно, но всё не решалась: «Ты женишься на мне?..»

В этом вопросе смешалась и мольба, и легкое кокетство, и страх отказа, и тревога, и очень глубоко скрытое недовольство.

Женщина спросила мужчину – и испугалась сама.

Однако Кнуров-старший не рассердился. Он пригорюнился.

«Король не властен над своей судьбою, Светочка, – сказал отец, криво усмехаясь. – Эдуард VIII-й отрекся от престола, чтобы вступить в брак с любимой женщиной, но ему было проще... Сколько мне лет, по-твоему?»

«Лет?.. – мама подняла плечи, выражая недоумение. – Причем тут это? Ну-у... Двадцать три... Что? Больше? Двадцать четыре?»

«Мне сорок пять, Светочка, – тихо проговорил Кнуров. – Я был генетически модифицирован в утробе матери. В пренатальный период – так это, вроде, называется... После той генной операции была еще биотрансформация, уже в подростковом возрасте – и я перестал быть нормалом. Или гуманом – ходит по НИИ и такое слово... Мое тело останется молодым еще лет двадцать, как минимум, а потом у меня впереди будет еще годков восемьдесят активной зрелости...»

«Это... неправда? – испуганно-растерянно проговорила Светлана. – Ведь евгеника запрещена!»

«А это не евгеника была, – хмыкнул Эдуард невесело. – Бюджетные расходы программы «Имаго» вбивались в графу «Борьба с генетическими заболеваниями»... О чем ты! На секретные проекты тогда тратили миллиарды – и в Америке, и в Европе! СССР опять догонял... И перегнал».

Не найдя стула, мама присела на игрушечного пони. Лошадка пискнула.

«А я, значит, нормалка... – пробормотала Светлана, проводя ладонями по щекам, словно оmyвая лицо. – Гуманка... Мне отпущено еще лет десять, самое большее, после чего я увяну. Правильно... Зачем тебе старуха?..»

«Да причем тут это! – страдающим голосом сказал отец. – Я бы таскал для тебя тайком сыворотку из биореактора, да я бы... Господи, Светочка, ну, не могу я сказать тебе всего, пойми меня! Тут политика, Свет, понимаешь? Все очень сложно, опасно, грязно! Думаешь, я просто так пропадаю неделями, гуляю, не появляясь? Да мне хотя бы на день вырваться к вам трудно, так трудно, что... Никто и не знает, что вы у меня есть! Семеечка моя...»

«А Ромка? – прервала мама папины излияния. – Он кто? Нормал? Или... этот... юбер?»¹

«Полукровка!» – ласково улыбнулся отец.

Больше мама не касалась темы замужества, но стала задумчивей...

...Пришло время, и Ромка пополз. Встал на четвереньки, изображая толстую смешную ящерицу. Заковылял на своих двоих. А папа поселил в коттедже няню. Тетю Машу. Доктора биологических наук.

Няня подменяла маму, укладывала малыша спать, рассказывала сказки на ночь – и снимала показания датчиков...

На четвертом году у «Ромки-хомки», как и у всех, сформировались девяносто процентов связей в мозге, и «тетя Маша» покинула их дом. Было много горьких слез и сладких поцелуев, страстных обещаний писать, не забывать и навещать...

А когда сыну стукнуло пять лет, папа подарил ему большую «игрушку» – невысокого, востроухого мальчишку с лицом простым, грубоватым – и застывшим, как маска.

«Ой, кто это?» – испугалась мама.

¹ От нем. Übermensch – сверхчеловек.

«Это УР, – успокаивая ее, сказал отец. – Универсальный робот-андроид со встроенным псевдомозгом. Искусственный интеллект второго поколения!»

«Ох, да он же кучу денег стоит! – запричитала Светлана. – Вон, соседи робота-уборщика в кредит взяли, третий год расплатиться не могут!»

Папа мог и надуться на мамины попреки, как уже случалось, но в тот раз он наметил улыбку – немного, правда, жалкую – и серьезным тоном сказал:

«Не жадничай... Привет, Урчик!»

Кибер, стоявший неподвижно, сразу ожил, а его лицо дрогнуло, обретая выражение – включились мимические псевдомышцы.

«Привет, Эдик, – заговорил он обычным, хотя и монотонным голосом. – Техсостояние – отличное. Подзарядку прошел. Все системы работают штатно. Жду дальнейших указаний».

«Продолжай выполнять заданную программу».

«Приказ понял».

«А... для чего он?» – робко поинтересовалась Светлана.

«Ну-у... Будет играть с Ромкой, нянчиться с ним по ночам, и...»

«И?...»

«Еще он телохранитель».

Вот когда прозвучал сигнал тревоги – почти не замеченный, он звякнул первым звоночком...

...Шло время. Роману исполнилось семь, и его зачислили в Щербинскую экспериментальную школу. Туда отбирали детей со скрытыми метапсихическими способностями, а таких гавриков и гавриц в последнее время стало подозрительно много.

Мама была рада. Она очень гордилась, что ее «сыночка» будет ходить в «престижное учебное заведение».

Ромкин учитель, Алексей Петрович Воронин, ей тоже понравился. Это был взрослый мужчина, спокойный и уверенный в себе, сильный и добрый.

В «Щербинке» училось пятьдесят шесть детей, пятьдесят шесть юберов – чад ненаглядных от генно-модифицированных мужчин и женщин. Противники вмешательства в «божий промысел» дразнили таких ребятешек «ГМО». Бывало, что им не давали играть с другими, «нормальными» девчонками и мальчишками, гоняли, не пускали на спортплощадки.

Порой обида доводила до слез, и Рома с надрывом спрашивал маму: «Ну, почему я не как все? Что со мною не так?», а родительница сама хлюпала в ответ...

...Учиться Кнурову-младшему было интересно, но все равно, больше учебных дней Роман любил выходные – на субботу и воскресенье они с папой уезжали на джипе куда-нибудь в лес. Оба Кнуровых, большой и малый, загорали, купались, ловили рыбу. Иногда они брали с собой маму, и тогда получался настоящий пикник.

А когда Роман заканчивал десятый класс, папа женился на маме. Он был очень оживлен в день свадьбы – шутил, смеялся, танцевал, увлеченно повторяя: «Заживем, как люди!»

Роман радостно вопил: «Горько!» – и родители целовались, долго-долго не размыкая губ. Вечером папа подхватил счастливую маму на руки, и понес наверх, в спальню.

Кнуров-сын снисходительно проводил глазами «молодоженов», представляя, как сейчас полетят во все стороны туфли, пиджак, платье и всякие галантерейные изделия... Первая брачная ночь!

Он и сам лег чрезвычайно возбужденным. Нет, его не мучили эротические видения, просто завтра у него начиналась новая, безумно интересная жизнь – настоящая, как у всех!

Батя признал его своим сыном официально, и сведения о «Романе Эдуардовиче Кнурове, выпускнике Щербинской школы» слились в Рунет, осели в Центральном государственном информатории... Красота!

А на второй день пришли убийцы.

Глава 1. Полукровка

Российский Союз, Москва. 2041-й год

Прозвенел звонок, эхом скача по главному коридору, но Роман и ухом не повел: сосредоточенный и отрешенный от земного, он набирал код на панели старинного буфета-автомата, школьного раритета, вроде самовара с девятью медалями.

– Хомка, пошли в класс! – позвала Рита Ефимова.

– У меня жажда, – непримиримо ответил Кнуров.

Роман закалял волю: все по звонку бросаются в комнату, у них уже рефлекс выработался, как у собачек Павлова, и только он один мужественно противостоит авторитету учителя, удаляясь независимо и гордо...

Получив-таки заветный стаканчик шипучего «Лио», Кнуров стал медленно, смакуя, цедить тоник – и опять не выдержал.

Не получилось у него небрежно допить, уронить пустую посуду в зев утилизатора, и лишь тогда вернуться в классную комнату – неспешно и непринужденно, пружинистой походкой Фернандо из «Первооткрывателей».

Правда, смелого экспериментатора это не особенно огорчило – грела память о вчерашнем дне, и ослепляли радужные перспективы, распахивавшиеся сегодня, завтра, послезавтра... Ура!

Все уже вбежали в аудиторию, он один оставался в гулкой пустоте большого коридора. Быстро доглотав напиток, Роман чуть не поперхнулся, и ринулся в класс.

В его группе училось еще четверо – две девушки-юницы и два выюноша. Все они являлись юберами, чему Кнуров страшно завидовал, едва не заработав комплекс неполноценности.

Он-то был полукровка, и никаких паранормальных талантов не числил за собой.

Правда, то, что в его памяти удерживались все события жизни, начиная с самых первых секунд, было не совсем обычным, но Роман не придавал этому особого значения. Подумаешь, память...

Не телекинез же какой-нибудь, не левитация! Полукровка, он и есть полукровка – ни то, ни се... Вот, если бы не одного батю, а и мамульку модифицировали, тогда – да, а так...

Алексей Петрович, правда, уверял, что психодинамическое поле у него ого-го какое, да только Кнурова не успокоили слова учителя – Рома счел их простым утешением.

Хотя, честно говоря, народ в группе подобрался, что надо. Всякое, конечно, бывало, но, даже если он и разругается вдрызг с Мишкой или обидится на Ритку, то подобное ненастье длится недолго – день пройдет, ночь минет, и их снова тянет друг к другу. Рассорятся, надуются, а потом помирятся – и сияют.

И преподаватели были классные.

Физику и математику у них вела Надежда Павловна – очень строгая, потому что была очень доброй и ужасно боялась показаться «мякотелой».

Русскую словесность преподавал шумный и веселый Борь Борич. Луиза Ахметовна была «историчкой»...

Луиза больше всех нравилась Роме – высокая, стройная, изящная, с приятным грудным голосом, который в романах обычно называют «волнующим».

Но сегодня истории не будет – учительница прихворнула.

Все сначала обрадовались – не болезни, конечно, а лишнему часу свободы. Ага...

Не тут-то было! Учитель Воронин изрек, что им давно пора готовиться к экзаменам, а посему пятым уроком проведут экономику.

«У-у-у...» – пронеслось по классу.

Аллочка Виштальская, с которой Роман сидел за одним столом, съехидничала:

– А ты и счастлив!

– Да, – признался Кнуров, сияя, – очень!

Аллочка растерялась даже.

– Вчера мои родители... поженились! – объяснился Роман, чувствуя, как все сжимается внутри, и разжимается, трепеща.

– Поздравляю, Хомка! – сразу заулыбалась Вишталская, и добавила тоном умудренной женщины: – Сейчас редко кто вступает в брак.

Кнуров покосился на соседку. Девчонки из их группы неуловимо изменились за год. Совсем недавно эти невыносимые создания были писклявыми и тонконогими, а теперь как-то округлились, что ли. Особенно наглядным это стало прошлой весной – тонкие платья не прятали заметных выпуклостей.

Маргарита Николаевна, школьный генетик, объясняла, что юберы взрослеют и развиваются быстрее сверстников-нормалов, и это добавило Роману переживаний.

Вот будет здорово, если он останется в группе единственным сопливым пацаном!

Вырастая, девочки словно отдалялись, в их манере общения со сверстниками сквозила обидная снисходительность. Однажды в спортзале Кнуров тронул алкину грудь, как бы случайно. Приятнейшее касание. Грудь была упругой, как мячик, а сосок дразняще топорщился.

Вишталская тогда ничего ему не сказала, сделав вид, что не заметила «случайности», а потом часто посматривала на него, испытующе и задумчиво.

Впрочем, на Кнурова и студентки поглядывали, что непривычно волновало его, сладко-сладко щекоча.

У девочек пробуждалась женственность, у вчерашних мальчиков проявлялся интерес к одноклассницам, но пока что это не складывалось у Романа воедино с позывами собственного тела.

Кнуров осмотрелся. Недавно он завел для себя такую полуигру: надо было взглянуть на мир вчуже, как бы со стороны, и тогда привычное делалось необычным, словно впервые увиденным.

Одноклассники, они почти как родственники, даже ближе.

Ведь ты с ними проводишь все время. Родню видишь, когда наносишь им визит или принимаешь гостей, а одноклассников – каждый день. И знаешь их, как себя.

Вот Мишка Луценко – малорослый и шустрый, он любит всех смешить, иногда не ведая меры и границ, за что ему попадало не раз...

На задней парте – Вовка Почтарь. Серьезная личность, метится в интеллектуалы. Губастый и вдумчивый, Вован утверждает, будто некая инопланетная цивилизация готовит его к контакту, пользуясь им, чтобы познавать жизнь человечества. А иначе кто ж его заставляет запоем читать то про острова Южных морей, то про Луну, то про Древний Рим?..

Аллочка Вишталская – хорошенькая, в кудряшках, с изысканными чертами лица, в котором чувствуется семитская кровь. Алла – умничка, ее взгляд или задумчив, или мечтателен...

Рита Ефимова – красивое и надменное существо, яркое и энергичное. Не шагает, а бегаёт. Вывести ее – нечего делать, но после яростной вспышки сама же и подлизывается, ноя и преувеличенно вздыхая. Переживает все бурно, со слезами и криками, и моментально успокаивается...

– Идет! – придушенно крикнул Луценко, шарахаясь от двери.

Закреплять пройденный материал явился помощник Воронина – Михаил Альбертович Вирен, тихий и скучный зануда, прозванный Гроссбухом. Казалось, он всегда был погружен в себя, словно обдумывал некие планы или сверял теорию с практикой. Девчонки придерживались версии, что «Альбертыч» стал таким из-за неразделенной любви.

Сухо поздоровавшись, Вирен проглядел, шевеля губами, экраны на столе-пульте, и поднял глаза на учеников.

– Девушки, – спросил он прекрасную половину группы, – вы цветы поливали сегодня?

– Поливали! – жизнерадостно ответила прекрасная половина. – Только мы не девушки, мы еще девочки!

Собравшись с мыслями, Михаил Альбертович вывел стереопроекцию на стену, и взял указку.

– Сегодняшняя тема – «Рефлекторный менеджмент», – вытолкнул он, – Грубо и зримо данное понятие можно объяснить, как гибкое реагирование на спрос, что соответствует рефлексам в живом организме, и подстраивание ответного предложения. Скажем, выпуск одного продукта увеличивают, другого – уменьшают, а третий и вовсе снимают с производства...

– Михаил Альбертович! – поднял руку Вовка Почтарь.

– Да, Владимир, – нетерпеливо сказал учитель.

– Михаил Альбертович, а вы обещали рассказать про бизнес! Как накрываются разные, там, фирмы и монополии, и вообще...

– Но мы же разбирали процесс демаркетизации в третьей четверти! – недовольно нахмурился Вирен.

– А мы плохо усвоили!

Группа радостно поддержала Почтаря.

Подозрительно оглядев подрастающее поколение, преданно тарасившееся на него, Гроссбух повернулся к стене и сменил стереопроекцию – заплескали диаграммы, графики, индексы...

– Хм... – произнес он глубокомысленно. – Если грубо и зримо, то отмирание рынка наблюдается с тридцатых годов, когда с производства вывели первые миллионы работников. Им выплачивают ББД, различные пособия и пенсии, но тут надо увидеть главное – труд перестает быть общественной необходимостью! Экстраполируя, получаем, что к семидесятым годам, когда число неработающих достигнет нескольких миллиардов, объем рынков сбыта упадет ниже минимума, то есть спрос на платные товары почти обнулится. Грубо и зримо – некому станет покупать! Бизнес потеряет прибыли, государство не получит налогов...

Роман слушал невнимательно. Он мечтал.

С задней парты Кнуrows подергал за рукав Мишка Луценко. Ромка откинулся на спинку стула, и шепнул, не оборачиваясь:

– Чего?

– У Наташки сегодня день рождения!

– Да помню я!

– Помнит он... А подарок где?

– Ой... Дома забыл! Я сбегаю после занятий, ладно?

– Ладно, только давай по-быстрому.

– Я мигом!

Гроссбух шлепнул ладонью по учительскому столу-пульту, и строго сказал:

– Кнуrows, Луценко! Не отвлекайтесь.

Роман выпрямился, чинно сложив руки, и стараясь не обращать внимания на алкино недовольство. В нем ожило легкое чувство вины – Михаил Альбертович был не только занудлив, но и на диво сдержан. Стоило ли испытывать предел его терпеливости?

И еще Кнуrows ругал себя за несобранность. Целых четыре месяца, почти что с самого Нового года, он растил черную орхидею – в подарок Наташе Мальцевой.

И вот наступило двадцать второе мая, наташин день рождения. Сегодня ей исполнится семнадцать. И как в эту знаменательную дату поступает Роман Кнуrows? Торжественно прино-

сит заветный фитомодуль в школу? Нет! Оставляет его дома, на подоконнике... Выпускник вздохнул.

Наташиным учителем был сам Подольский, светило педагогики. У Подольского в группе было аж семь человек, максимальное число детей для учителя, однако шестеро мало волновали Романа. А вот Наташа...

В школе она была самая красивая. И очень милая – Наташа испытывала неловкость за свои внешние данные.

Не то, чтобы она страдала из-за красоты, просто считала несправедливым положение, когда ей одной дано так много.

Наверное, это потому все, что Наташа была не только красавицей, но еще и умницей. И у нее первой проявились способности юбера – взглядом девушка двигала по столу стаканы, полные воды, зажигала свечи...

Кнуров опять вздохнул. Отрочество, для которого придумано умное, но дурацкое слово «пубертатный период», баламутит гормоны так, что линия жизни скачет дикими зигзагами – то вдруг плакать хочется из-за совершеннейшего пустяка, то обида горло перехватывает, то смех глупый не отпускает. И еще снятся сны...

На днях Роману приснилась Наташа – девушка стояла на берегу речки, и смеялась. Солнце засвечивало ее «шатенистые» волосы, и те сияли золотыми нитями. Наташа была босиком, в одной майке – и пупок видать, и округлые бедра, и две складочки, так красиво, так маняще сходящиеся к маленькой розовой щелочке...

Кнуров тогда проснулся, чувствуя сильное напряжение в промежности. Облизал сухие губы, унял расхолодившееся сердце. Заснул уже под утро. А днем случилось чудо – Наташа его поцеловала.

Он с друзьями помогал перетаскивать стеллажи для нового нейрокомпьютера, и как-то так получилось, что Мальцева осталась с ним наедине. Рядом.

Возникла томительная пауза, весь мир отдалился на край Вселенной, пространство стало пустым и гулким, а наташины глаза – вот, близко-близко, распахнутые, будто для него одного...

«Она прочла мои мысли!» – испугался Кнуров. Великий Космос! Что Мальцева о нем подумает?..

Долгую-предолгую секунду Роман ощущал на своем лице девичье дыхание, мягкое тепло (он сразу вспомнил маму в свой самый первый день рождения), и некие незримые токи, пульсировавшие между ним и Наташей, а потом длинные ресницы напротив затрепетали и опустились.

Наташины губы – мягонькие, нежненькие, – коснулись уголка его рта, шевельнулись, будто пытаясь сказать нечто запретное, невыразимое словами – и медленно отстранились.

В это время одноклассники вернулись, разрушая сказку.

Галактика, Земля, школа снова распростерлись вокруг, а Романа, потрясенного и зачарованного, переполнило блаженство.

Это стало заметно Наташе, и девушка тихонько засмеялась – ласково, смущенно, торжествующе – и словно обещающе...

А он забыл фитомодуль!

Прозвенел звонок, и Рома первым покинул класс.

* * *

Он выбежал из школы и помчался по широкой песчаной дорожке, которую старательно подметали приголовишки – малышня весело гомонила, орудуя метелками и грабельками.

Те, кто постарше, распиливали старое дерево под чутким руководством Пал Степаныча, учителя труда.

У ворот парка Кнуров-младший притормозил, подумал – и нырнул в пышные кусты сирени. Цветки еще не распустились, но уже набухли, соча нежный аромат.

За этими пахучими зарослями прятался сектор ограды с дефектом – в парковой решетке имелась брешь.

Можно было пролезть на ту сторону – и прошмыгнуть на Окружную под прикрытием кленовой рощицы.

Конспирация выглядела постыдной, она сильно задевала самолюбие Кнурова, но достойного выхода из ситуации выпускник найти не мог.

А все дело было в том, что полгода назад по соседству с коттеджами на Окружной, сразу за кольцевым сквером, выстроили большой сотовый дом, куда переехало много неработающих «пролов» – сонных маслянистых дядек и тётек, выведенных с производства. Они ничем не занимались, «просто жили», получая свой «безусловный базовый доход» и «гарантированный минимум благ». Выстаивали очереди, чтоб натащить в дом бесплатного барахла, пили, гуляли – и завидовали работникам.

Мы-де в модульных каморках ютимся, квазибиотическими котлетками питаемся, а эти баре в особняках гужуются, натуральных рябчиков с ананасами трескают! Про то, что работники вкалывают и за все платят, жители «сотика» забывали...

Неприязнь взрослых «пролов» к «трудникам» не распространялась дальше разговоров под пиво, а вот их дети пакостничали, как могли – перебрасывали на газоны у коттеджейдохлых крыс, рисовали на заборах серп и молот, да всякие прочие откровения. Могли их нацарапать и на кузове легковушки, оставленной вне двора.

Эта мелкая шпана прекрасно знала: их хулиганское поведение молчаливо одобряется родителями. Ну, а если какой «трудник» и возмутится, то мамочки из сотового такой хай поднимут, что бедный работничек забьется в самую дальнюю комнату своего «барского особняка».

Некоторые законопослушные жаловались в Службу Охраны правопорядка, но милиционеры старались не замечать мелких правонарушений – такая была установка сверху. Во избежание.

А потом в «сотике» поселился Вася Хлюстов, парнишка с наклонностями жожака. Хлюст мигом подчинил юных пролов – и сильно осложнил жизнь малолеткам из коттеджей да таунхаусов.

Васькина гопа вытрясала у них карманные деньги или просто поколачивала – без увечий, так просто, ради удовольствия. Поваляют, попинают, и дальше топают, новых приключений искать.

Приставали и к Роману. Порой издевались только. Бывало, что и нападали. На оскорбление действием Кнуров давал сдачи, и тогда ему доставалось от самого Хлюста...

...Потоптавшись в сиреновой чаще, Роман круто развернулся и направился к воротам.

– Вперед, трус несчастный! – цедил он сквозь зубы. – Орхидею ты тоже тайком потащишь, крысоид зашуганный? Сколько раз уже обещал спортом заниматься! Лодырь дрисливый...

Широко шагая, Кнуров отправился домой. Уже пройдя высокую решетчатую арку Восточных ворот, он наткнулся на сопливаю личность лет пяти по кличке Мумрик.

Сердце у Романа упало – если этот малек здесь, стало быть, и вся гопа рядом. Да вон она, расселась на поребрике, шелкает «семки» и с интересом следит за представлением.

Деловито засопев, Мумрик полез Кнурову в карман. Выпускник выдернул нахальную ручонку, развернул шпаненка и дал ему «поджопника».

– Ты чего маленьких обижаешь? – тут же радостно заголосила «нерабочая смена», вскакивая, дабы побороться за справедливость.

Вася Хлюст, коренастый крепыш с вечно сощуренными глазами, лениво приблизился к Роману.

– Нехорошо... – поцокал он языком, выражая неодобрение.

– Чё надо? – сумрачно спросил Кнуров.

Хлюстов глумливо ухмыльнулся.

– Извинись перед Мумриком, – поставил он условие, – и свободен!

– Перебьется.

В тот же момент крепкий кулак Хлюста врезался Роману в челюсть – больно было не слишком, однако унижение не измеряется силой удара. Кнуров пнул Ваську в колено, как его учил Почтарь, но старшак не упал, а ответил подсечкой. Секунду спустя оба сцепились, катаясь по траве, и ожесточенно мутузя друг друга. Гопа орала, «болея» за своего.

Боестолкновение прекратилось так же быстро, как и началось – оба супротивника были подняты и разведены УРом.

– Так нельзя себя вести, – назидательно сказал робот.

– Твое счастье, – вытолкнул Хлюстов, отряхиваясь, и сплюнул, выказывая презрение.

– Да пошел ты... – ответил Роман, осторожно, костяшками пальцев трогая разбитую губу.

– Ро-оботик! – заголосил кто-то из гопы. – Ромочка обкакался, подотри ему попку!

– И молочка подогрей!

– В бутылочке!

– Гы-гы-гы!

– Ха-ха-ха!

Кнуров сопел только, сжимая кулаки, разозленный и встрепанный. Быстро дошагав до поворота, он снова припустил бегом – отсюда уже можно было, Хлюсту с друзьями не видно.

– Твой отец послал меня встретить тебя, – сообщил УР. – Он явно был чем-то обеспокоен.

– Из-за пацанов?

– Не имею информации.

Кибер легко бежал рядом, двигаясь размеренно и экономно.

Одетый в скромный серый комбинезон, он смахивал на ромкиного приятеля, тем более что комбезы входили в моду.

Правда, выпускник уже перерос андроида, но и тот эволюционировал – успел нахвататься стольких слов и понятий за срок своего существования, что малость «очеловечился», а его машинная лексика звучала куда грамотней и стройней, чем у иного москвича. Роман всерьез уверял родителей, что Урчик давно стал разумным роботом...

– Почему ты двигаешься так быстро? – поинтересовался УР.

– А потому что я балда! – буркнул Рома. – Подарок дома забыл! Представляешь?..

Дом их располагался совсем недалеко от школы, на той же Окружной. Батя, когда звонили гости и спрашивали, как добраться до «его берлоги», отвечал, что это как раз напротив станции метро «Варшавское шоссе». Вон, уже заблестел ячеистый купол павильона с красной буквой «М»...

А вот и старая, старинная даже, решетчато-бетонная изгородь.

Само собой, лишних десять шагов до калитки Роман делать не стал – перемахнул прямо на газон, и поскакал, увертываясь от влагораспылителя.

Мимоходом удивившись раздвинутым створкам дверей («Испортились, наверное...»), выпускник влетел в холл и вознегодовал – все было раскидано.

«Как я что-то разбросаю, так сразу замечание! А сами?..»

Кстати, где эти непутёвые родители?

Замерев на секунду, Роман прислушался – из левого крыла доносились голоса. Переговаривались мужчины, но бати слышно не было.

Забежав в гостиную, он резко остановился на пороге. Нет, так не бывает...

– Мам?.. – позвал Рома внезапно осипшим голосом. – Пап?..

Он все видел отчетливо и ясно, но картина, которая отпечаталась на сетчатке его глаз и проникала в мозг, была невозможной.

Отец лежал на ковре, разбросав руки и ноги, а на лице его стыло выражение гнева. Мать распростерлась на диване – длинные, спутанные волосы закрывали ее лицо, один остренький подбородочек выглядывал из-под рассыпавшихся прядей.

Родители были совершенно неподвижны.

Самые темные страхи колыхнулись в Романе, мучая душу кошмаром, прорвавшимся в явь. «Они умерли?!»

– Мама! Папа!

Кнуров бросился к женщине, чья голова безвольно поникла, тронул ее за плечо, потряс сильнее. Откинул волосы – и замер в ужасе. Мама смотрела на него остановившимся взглядом синих глаз, а переносицу ее буравило черное, запекшееся зияние.

Роман оцепенел. С трудом отступил, присел на коленки рядом с отцом (рядом с телом отца?!) – и сразу заметил гибельную отметину, небольшую дырочку над батиным ухом.

Смертельную рану.

– Мама... – беспомощно пролепетал выпускник. – Папа...

Сильная рука обхватила Романа за плечи. Он вскрикнул, но голос УРа сказал негромко:

– Это я. Они возвращаются. Надо спрятаться.

– Их надо убить! – выдохнул Кнуров, кривя губы. – Всех!

– У меня нет оружия.

– Я...

Не слушая человека, робот увлек его в собственную нишу – бокс, где он подзаряжался от сети, – и задвинул пластметалловую штору изнутри, оставив маленькую щелочку.

Роман, мучимый отчаянием и страхом, приник к ней.

В гостиную вошли четверо – это были крепкие парни в синих рабочих комбинезонах. Движения их отличала уверенность, а во взглядах сквозила пустота.

Усатенький молодчик, небрежно помахивавший черным пистолетом, скомандовал:

– Виль! Ян! Ищите пацана!

– Угомонись, Рэм, – пробурчал грузный верзила с круглой, налысо обритой головой. – Мы все уже обыскали.

– В школе он, – заявил плечистый мужчина с тяжелым квадратным лицом.

– Какой ты умный, Джай! – съязвил остролицый типчик, худощавый «полурослик». – А то б мы сами не догадались!

– Заткнись, Шельга, – посоветовал ему плечистый.

– Угомонитесь все! – резко сказал Рэм, и махнул пистолетом: – И за мной...

– Куда? – осведомился остролицый Виль.

– В школу! – хохотнул круглоголовый Ян.

– Чаран, остаешься здесь. Если мальчишка заявится – уложишь баиньки!

– Понял... – буркнул Джай, ставя ударение на последний слог.

Троица киллеров вышла, а четвертый поднялся наверх.

– Надо уходить, – УР тихонько сдвинул штору. – Здесь находится опасно.

Выведя Романа, робот аккуратно закрыл бокс.

– Я их всех убью... – проговорил Кнуров, пятась и переводя взгляд с отца на мать, и обратно. – Каждого. По очереди...

Жалость резанула так, что слезы сами брызнули из глаз – горькие, горячие, они жгли невыносимо, но душе было еще больней.

В школе обычно восклицали: «Великий космос!» или «Великие небеса, черные и голубые!», повторяя присловья из сериала о далеком будущем, но вот случилось несчастье, и Роман сразу припомнил ветхозаветное имя божье.

– Господи, мамулька... – прошептал он, утирая мокрую щеку рукавом. – Пап... Да как же...

– Нам надо скрыться, – мерным, однозвучным голосом проговорил андроид.

– Уходим, – безразлично сказал выпускник.

Он не жалел, что покидает привычные, родные стены – у него больше не было дома. Дом – это не место жительства, а убежище, в котором тебя любят и ждут. Сегодня его лишили всего.

Старая жизнь, где царили любовь и доброта, надежда и вера, оборвалась жестоко и страшно. Началась новая – безрадостная, тоскливая, сиротская...

Глава 2. Вирт

Дом не стоял на земле, он был приподнят на тонких опорах. УР бесшумно пробежал под полом до закругленного угла. «Правильно, – равнодушно отметил Роман, – в этом направлении окон нет...»

Шагая первым, робот пересек крошечный садик, огибая кусты любимых маминых роз. Кнуров послушно шагал следом – в нем будто сработали некие потаенные предохранители, не позволяя горю сломить дух, отклоняя личность от безумия к безразличию.

В обычной жизни, когда дни идут размеренной чередой, люди мечутся бестолково, суетятся, расстраиваются из-за совершеннейших пустяков, и лишь когда случается настоящее горе, становится ясно, что в жизни важно и ценно, а что шелуха и обертки. Наверное, это тот самый момент истины, о котором толкуют мудрецы.

Живешь себе, живешь, казнишься ничтожными бедами – и не замечаешь своего маленького счастья. Мамина ласка и папина забота, завтрак по утрам и вечера у камина – это же так незамысловато!

Ты просто лежишь у себя в комнате и клеишь модель звездолета, а из столовой доносятся смех и приглушенный говор, звякает ложечка, жужжит «Сервус», сварливо требуя, чтобы папа поднял ноги...

Все это воспринимается, как необязательный фон, как заставка, как данность. И вдруг ты все это теряешь. Навсегда...

– Милиция, – оповестил УР.

Подвывая сиренами, разбрасывая красные и синие «зайчики», подъехали квадратные «луноходы». Захлопали дверцы, выпуская наружу бравых парней в легкой броне.

Роман замер, развернулся, чтобы бежать навстречу, рассказать обо всем, и пусть оперативники скрутят Джая!

Он успел сделать четыре шага, а тут киллер и сам вышел из дома. Джай не убегал и не сдавался. Вразвалочку пройдя к калитке, он небрежно завернул лацкан куртки – значок у него там, что ли? Милицейский чин в парадной фуражке козырнул убийце, и сделал опергруппе повелительный жест – мол, осмотрите тут все...

Кнуров остановился, потрясенный и униженный, горячечные мысли толклись в голове, делая больно: «Они и *эти* – заодно?! Предатели! Или *этот* их обманул? Сказать? Кому?! Кому сейчас можно верить?!»

Оперативники двигались заученно, держа пистолеты-парализаторы дулами кверху и походя на роботов куда больше, чем УР.

Роман понял, что пропал. Вытянувшись стрункой, он взмолился совершенно по-детски: «Пусть они меня не заметят! И Урчика!»

Грузный, но подвижный опер прошел в метре от Кнурова. Выпускник видел сегменты брони, черные и блестящие, и блик, играющий на грани пирамидального дула, и то, как двигалась тяжелая челюсть, перетирая жвачку. От милиционера пахло синтетическим табаком и потом.

Присев на корточки у живой изгороди, плечом почти касаясь УРа, грузный внимательно оглядел рыхлую землю, и громко сказал, вставая:

– Никого, шеф!

Роман стоял – руки по швам, боясь шелохнуться, а в голове уже и мыслей не осталось. Милиционеры его не заметили! И Урчика тоже! Опер их пожалел? А вон тот, худой? Он что, тоже проникся к ним жалостью? С чего бы вдруг?

Старший инспектор вышел из-под дома, снимая фуражку и промакивая платочком лоб. Следом из тени на свет шагнул Джай.

– Обыскать дом, – приказал инспектор, и тронул пальцем усик микрофона: – Внимание, всем постам! Всем патрульным! Найти и обезвредить опасного преступника – Кнурова Романа Эдуардовича! Возраст – шестнадцать лет. Кодовый номер У-Эм-Эс, тире, Ка, сто семнадцать двести тридцать пять. Ген-индекс...

Роман слушал лязгавший голос старшего инспектора, и обмирал, оплывал ужасом. Они тут все, все заодно! А он торчит у них на глазах, но *эти* его не видят! Как?!

Полоща воздух, сел турбоскаут «скорой помощи», белый с красным крестом на гнутой дверце. Деловитые санитары протопотали в дом, на ходу разворачивая прозрачные боксы. Вскоре они вернулись, вынося упакованные тела.

Слабея, Кнуров опустил на корточки, и уткнулся лицом в колени. «Господи, господи... Я. Так. Не хо-чу!..»

Отъезжая, засипели милицейские машины. Скаут плавно поднялся над улицей, над деревьями, поджимая коленчатые упоры шасси. И тишина...

– Ты им отвел глаза, – послышался голос УРа.

– Я что тебе, метагом?² – глухо, не поднимая головы, сказал Роман. – Так не бывает...

– Бывает. Я засек сильный всплеск психодинамического поля.

– Да я-то тут причем?! – заорал мальчик с неожиданной злостью.

– Поле исходило от тебя, – нудил андроид. – Очень мощное. Ты – сильный юбер.

Кнуров медленно поднялся, по-старчески упираясь руками в колени, и коротко бросил:

– Уходим.

* * *

Затеряться в метро было проще простого, но обычный путь, через павильон станции, отпадал – регистраторы на входе мигом опознали бы «опасного преступника». Влёт.

Пробравшись за густо насаженными рябинками, Роман и УР остановились. Павильон станции «Варшавское шоссе» располагался по другую сторону улицы, но вдалеке реяли постовые – незаметно не перебежишь.

Вдруг в насаждениях затрещало – показался Хлюст со товарищи. Кнуров в этот момент испытал не страх, а усталое раздражение – только этих ему и не хватало. Однако Васька повел себя без обычной наглинки – выглядел он растерянным и смущенным.

– Это чего... – пробормотал Хлюстов. – По правде все? Ну, твои-то... Они чё – умерли?..

Роман не ответил – горло, словно удавкой перехватило.

– Их убили, – по-машинному хладнокровно сказал УР. – Обоих. И теперь киллеры ищут Рому.

– Зачем? – округлил глаза Хлюст.

– Чтобы прикончить, – выдавил Кнуров.

Один из подручных вожака, щуплый Димон, доложил:

– Менты там. Секут.

– Нам надо скрыться, – внезапно доверился выпускник недавним врагам, и подбородком кивнул на станцию метро.

– Пошли! – решительно заявил Васька. – Мы вас прикроем.

Построившись на манер живого щита, гопа перешла улицу, заслоня человека и робота, согнувшихся в три погибели.

– Сюда! – позвал Димон.

² Метагом – букв. «за-человек». Индивид, обладающий необычайными ментальными (метапсихическими) возможностями. С начала XX-го века их (возможности) еще называют «психифеноменами» (телекинез, левитация и пр.).

По счастью, местная пацанва лазала в подземку не как все, а по шахте вентиляции, шумевшей в глухом углу скверика неподалеку. Работники Дорожной службы не заблокировали однажды дверцу – и открыли таинственный спуск в московские недра.

Продравшись сквозь заросли, не знавшие ножниц киберсадовника, Роман выбрался к гудевшей башенке, смахивавшей на громадный серый гриб. Из решеток дуло теплым воздухом, мигом растрепавшим волосы.

– Тут вас никто не заметит, – сказал Хлюстов. – Ах, ты... Заблокировали! Кисель, ну-ка, покажь, как ты умеешь...

Худенький подросток из семьи Киселевых громко шмыгнул носом, и согнулся у замкнутой дверцы. Через дешевый радиотелефон слинковался с портом блокиратора, засопел, набирая коды...

Хлюст присел на корточки, достал из кармана сигарету с зеленым биофильтром, закурил, щуря глаза. Предложил Кнурову:

– Будешь?

Роман помотал головой. Признаться: «Не курю!» показалось ему неуместным. Навалилась апатия.

– А я со своими разругался вчера вдрызг, – сказал Васька, чтобы перебить неловкость. – Папан наехал, воспитывать стал – он это любит, когда поддаст...

– Чего? – не понял Роман.

– Ну, выпьет когда. И начинается... А тут еще мамка нудит: «Мы тебя растили, кормили-одевали-обували...» Я и не выдержал. Говорю: «Да это я вас кормил-одевал! Это из-за меня вам личный фонд вдвое увеличили! А вы, говорю, халявщики, всю жизнь на пособии просидели!» Папан, как давай за мной с ремнем бегать... Уйду я от них.

– Куда? – равнодушно сказал Кнуров, не могущий вместить в голове еще и чужие горести.

– Не знаю... Подамся к натуртехникам, буду лес сажать. Там дипломов не требуют.

– Учиться все равно надо, – проявил Роман скучное здравомыслие, – не будешь же ты всю жизнь лопатой махать.

– Ну, да. А, придумаю чего-нибудь!

Кнуров хотел было посоветовать Хлюсту обратиться к учителю, и прикусил язык. Какие у «пролов» учителя? Преподаватели одни... Тридцать душ в классе. «Хлюстов, к доске! Опять не выучил параграф? Садись, два!»

– Готово, – доложил Кисель, и шмыгнул носом.

Поднатужившись, он открыл дверку пальцами, и та отошла, пахнув запахом сырости и смазки. Вниз, в черноту шахты, вели скобы – спуск опасный, но в том-то и заключалась вся прелесть «тайного хода»!

– Ну, удачи, что ли, – пробормотал Хлюст.

Роман молча пожал ему руку.

Спустившись на дно шахты, юноша и робот двинулись узким коридором, чьи стены из шершавого бетона выдавали узкую функциональность перехода. На грязном полу валялись обрезки проводов, сверху светился вполсилы фонарь, заливая коридор голубоватым сиянием.

Поворот налево, гулким трапом вниз, мимо мощно рокотающих вентиляторов, через узенькую дверь с казенным запретом «Посторонним вход воспрещен!» – и на перрон.

Кнуров сразу напрягся, очутившись в людской толпе – смеявшейся, шутлившей, весело переговаривавшейся или сумрачно молчавшей. И зря – никто не обращал на него ровно никакого внимания. Слившись со всеми, Роман стал бесконечно малой величиной, интегральной единицей мегаполиса.

Засвечивая на вогнутую стену и толкая перед собою нагретый воздух, из круглого туннеля с воем вырвалась сигара головного вагона. Замелькали прозрачные выпуклые стенки, замельтешили человеческие фигурки, сливаясь в стоголовый частокол.

– Станция «Варшавское шоссе», – объявил бархатистый женский голос.

Мельком оглядев пассажиров, Рома вошел в вагон. Все сидели, места были, так что и он присел на диван, дабы зря не отвечивать.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Южное Бутово». Переход на Большое Кольцо и верхний горизонт.

Роман обессилено откинулся на спинку. Беготня отвлекла его от того ужасного и непоправимого, что стряслось какой-то час назад, а теперь оно снова навалилось, холодными пальцами терзая центральную нервную.

– Рома, – негромко, но настойчиво заговорил УР, – необходимо найти убежище. Срочно. У тебя пошла спонтанная биотрансформация.

– Чего-чего?

– Еще две недели назад мои приборы отметили резкое усиление психодинамических пульсаций твоего мозга. Это явный симптом приближения метаморфоза. Я доложил об этом Эдуарду. Он очень обрадовался и велел не спускать с тебя глаз – в число моих функций входит оказание первой помощи при трансформации генетически-модифицированного организма.

– Так это... правда? – пролепетал Рома, испытывая вместо восторга подавленность. – Но я же... этот... полукровка! Меня же никто не модифицировал!

– Тебе передались гены отца, усиленные редчайшим набором оперонов³ от матери. Генетики называют его «комплексом Мерлина».

– И что... теперь? – растерялся Кнуров. – Я перестану быть нормалом?

– Строго говоря, да.

– Мило! – горько усмехнулся Роман. – Сначала я потерял родителей, а теперь и самого себя. Мило...

Он вздохнул. Вот жизнь...

Известие, принесенное УРом, оставило его почти безразличным. Еще вчера он бы прыгал от счастья, а теперь...

Тоска колыбалась в нем, как вода озера Коцит в дантовом аду, черная и ледяная. Мысли хоть как-то разгоняли ее тошнотворные миазмы. «Думай, думай, голова!», как батя говорил...

Что делать? Как быть? Вопросы эти показались Кнурову мелкими и ничтожными. Были и другие, они не давали покоя.

За что убили маму и папу? Почему его самого хотят «пустить в расход»? Кто та сволочь, которая приказала Рэму, Вилю, Яну и Джаю предать смерти его родных?

Не думать, не думать! Все равно никакого толку...

Лучше сосредоточимся на том, что попроще. Куда бежать и где укрыться? Сильней всего Рому тянуло сейчас в школу.

Ныне из близких остался один Алексей Петрович. И еще тетя Маша, «няня Маня». И одноклассники. И Наташа...

Но нет, нельзя! Киллеры наверняка ждут его в школе. Сообщить бы учителю... Опять-таки, «не мочно» – его тут же вычислят по исходящему. Надо попробовать выйти на школьный компьютер через Всеобщий информаторий. Или через Центральный...

– Вот что, Урчик, – разлепил губы Кнуров, – двигаем-ка мы на «Арбатскую»...

– Ф-центр? – догадался робот.

– Ф-центр. Оттуда мы легко выйдем на Информаторий, и...

– Не получится, – перебил мальчика УР. Робот замер, словно к чему-то прислушиваясь. – Я перехватил милицкий канал – все радиусы и кольца метро блокированы. Нужно немедленно уходить.

³ Оперон – функциональная единица генома.

Сердце у Романа тревожно сжалось, и тут же горячая волна ярости обожгла мозг: да что же это за сволочи?! Что они творят?!

Позлиться всласть не получилось – заполошные крики пассажиров сбили настрой. Кнуров дернулся, ухватывая краем глаза нечто невероятное – под прозрачным потолком вагона кружились две дамские сумочки, компьютер-планшетка и зонтик. Вещи вились, кувыряясь и шарахаясь, как ослепленные птицы, бились о стекло, теряли высоту и взмывали снова.

Бабушка «божий одуванчик» охала и причитала, воздымая ручки, похожие на куриные лапки:

– Ох, зонтичек мой! Зонтичек!

– Прекратите немедленно! – кричала немолодая, но стройная блондинка, то подскакивая, то падая обратно на диван. – Пре-кра-ти-те!

В момент очередного подскока платье на ней резко задралось вверх, оголяя красивые ноги и белые кружевные трусики. Крик перешел в визг.

Покрасневший дедуля, похожий то ли на профессора, то ли на Деда Мороза в беретике, бросился на помощь женщине – стал натягивать платье обратно, вот только блондинка не оценила его джентльменских потуг – залепила хорошую затрещину.

Толстая тетка бросилась к дверям, переваливаясь, шатаясь, волоча за руку хихикавшую девочку с огромным бантом. Пухлой рукой колотя по створкам с надписью «Не прислоняться», толстуха завопила пронзительным голосом:

– Откройте! Выпустите меня! Откройте!

И тут все вещи упали, словно обессилев. Тощий студент едва поймал планшет, прижал комп к груди и тут же боязливо отстранил, уже не вполне доверяя своему имуществу.

– Это полтергейсты, – прошептал УР. – Ты вызвал их, Рома. Пожалуйста, старайся сдерживать свои эмоции.

– Черт бы вас всех побрал, – прошипел Кнуров, – с вашими модификациями и трансформациями! Я не просился в юберы, мне и в гуманах неплохо было!

Вспылив, он тут же раскаялся. В конце концов, метапсихические штучки достались ему в наследство от родителей – они передали ему некие тайные силы, сути которых и сами не осознавали.

Хоть что-то осталось от былого, от «светлого прошлого»...

Тут поезд замедлил свой бег.

– Станция «Южное Бутово». Переход к Большому Кольцу и на верхний горизонт.

Пассажиры бросились вон из «нехорошего» вагона. Роман с УРом высочили следом.

– Куда лучше? – выдохнул Кнуров на бегу. – Верхний горизонт?

– Выше, – спокойно ответил робот. – Я смогу взять вертолет в прокат.

Оба зигзагом устремились между пилонов, отделанных серым мрамором.

– Стоять, ни с места! Вы арестованы! – загремел металлический голос.

Милицейский беспилотник – желтая полусфера с синей полосой по окружности – выплыл из ниши, шустро переступая голенастыми рычагами-опорами.

– Бежим! – рванулся Роман.

– Руки за голову, лицом к стене! – не унимался киберинспектор.

Бледно-голубой лучик парализатора прыснул вдогонку «нарушителям», еле видимый на свету, но прошел мимо, хотя и в опасной близости – у Кнурова онемела нога, словно он отсидел ее. УР мигом сграбастал юношу в охапку – инерция отнесла андроида точнехонько к лифтам.

Огромная сферическая кабина подъемника затворила диафрагму тотчас, словно будучи в союзниках у беглецов. Лифт вознес их к атриуму гигантского жилкомплекса, и помчал еще выше – обитаемые ярусы, висячие сады, аркады так и мелькали, пропадая вниз, а сверху наплывали все новые и новые.

На просторной крыше с целым поселком пентхаузов было ветрено. «Порывы до сильного» трепали перистые листья, рябили воду в бассейнах, уносили мячи у девушек в исчезающе-малых бикини, игравших в волейбол.

Красны девицы с хохотом бросались вдогонку, отчего загорелые круглые груди, тоже похожие на мячики, красиво подпрыгивали, качаясь упруго и волнующе.

Роман до того засмотрелся, что споткнулся и едва не выстелился, благо Урчик подхватил его.

– Нам сюда, – сказал робот, подводя Кнурова к прогулочному вертолету, похожему на стрекозу. Прозрачные лопасти в сеточке жилок уныло провисают, выпуклый блистер кабины отливает сиреневым и взблескивает, как фасетки, тонкий хвост торчит задорно...

– Садись. Быстрее.

Роман плюхнулся на сиденье и захлопнул дверцу. Турбина тут же засвистела, лопасти стронулись с места, все быстрее омахивая круг, и вот слились в мерцающий диск. «Камов» легко всплыл над посадочной площадкой, развернулся и полетел между облаками и городом.

А Москва просто бурлила жизнью, вода хороводы машин и многосекционных вагонов монорельса, полыхала гигантскими видеопанелями на стенах, вспыхивала телефорами по-над крышами – зелеными разрешительными кольцами, красными запретительными треугольниками, желтыми предупреждающими квадратами.

Вертолет покружил и резко пошел вниз, спеша занять свободное место на крыше почтамта. Оттуда до станции «Арбатской» было рукой подать.

Лопасті окунулись в световой указатель «Почта РС».

Примитивный здравый смысл ожидал светового крошева, мелко пошинкованных лучей, но надпись даже не дрогнула, только перед глазами что-то мелко замерцало. «Камов» завис, разворачиваясь, и сел.

«Прилетели...»

Роман, сойдя под падавший шквал крученого воздуха, согнулся, рефлекторно уводя голову от секущего разлета винта. Остановившись у парапета, он указал на красный павильон станции под боком у здания Генштаба:

– Нам туда.

– Идем.

– Посматривай вокруг!

– Приказ понял.

Стараясь не вертеть головой, Кнуров пересек проспект Калинина по прозрачной галерее. Внизу, под надзором милиции, брела демонстрация – тысячи людей шагали по проспекту, скандируя, пихаясь, хлебая пиво, потрясая самодельными плакатами.

Роман пригляделся – черным по красному: «Бей юберов, спасай людей!», «Смерть мутантам!», «Убил оборотня – спас своего ребенка!», «Бросай работу! Раздави гадину!»

Все ясно, шли ярые противники генно-модифицированных юберов.

«Чего это они так распалились?» – вяло подумал выпускник.

Страху не было, наоборот, большое скопление людей защищало их с УРом, скрывая в сутолоке. Да и по дороге было – народ дружно шагал в ногу, направляясь к станции метро «Арбатская».

Лет пять назад половину станции закрыли – шустрые массовики-затейники организовали под землей огромный Ф-центр, названный без изысков – «Метро».

Там процветали технологии иллюзорного мира, полузапрещенные «на поверхности» (видимо, для того чтобы придать фантомам ореол порочности – это привлекает). Человек неработающий, плохо воспитанный, малообразованный, скучающий, с удовольствием подвергался фантоматизации.

Он с головой погружался в жизнь нереальную, зато яркую и насыщенную – бился с пиратами на Карибском море, покорял Джомолунгму, охотился на динозавров в меловом периоде... и возвращался в реальность лишь для того, чтобы продлить время, заплатив за еще одно прекрасное мгновение выдуманного бытия.

Периферическая и центральная фантоматика до того изощренно подменяли ощущения, что для людей создавалась новая, виртуальная действительность, находясь в которой, они не могли отличить ее от единственно сущей с помощью своих чувств.

Самое неприятное ощущение здесь, думал Роман, спускаясь в «Метро», это безмолвие. Где вы, старые добрые казино и ночные клубы? Где веселые крики, толкотня, громкая музыка, девичий смех, горящие глаза?

Любой Ф-центр, начиная от роскошнейшего «Лидо» до захудалого поселкового клуба, отличался тишиной. Клиенты лежат в прозрачных «саркофагах» нейромодулей, похожие на покойников – и смотрят фантоматические сны. «Покойники» совершенно неподвижны – в данное мгновение они напрягают все силы, убегая от зубастого чудовища, или идут на абордаж, вскидывая тяжелый мушкет, или ведут дуэль в салуне, паля из «кольта» от бедра – но в реале нет ничего, кроме мертвой неподвижности и поминутной оплаты за грёзу, претворенную в явь. Или наоборот? Зато не пьют... Не колят наркоту...

Кнуров шагал длинным сводчатым переходом, отделанным красным гранитом, и слышал лишь шаги Урчика. Сейчас, когда толпа не отвлекала, перед его внутренним взором снова возникли «кадры семейной хроники». Он словно наяву просматривал старый альбом.

Папа на рыбалке. Мама в купальнике, смеется и брызгается. Отец сидит в кресле, гладит Пушу, дрыхнувшего у него на коленях... Господи, тошно-то как...

– А где все? – спросил Роман, лишь бы спросить.

– Развлекаются, – коротко ответил робот.

– Ты тут уже был?

– В моем блоке памяти есть план Ф-центра. Самое оптимальное – спуститься на нижний ярус, там много путей отхода.

– А что там, внизу?

– Киберлупанар.

Роман поневоле взволновался – сюда его нога не ступала...

По широкой лестнице они спустились на «дно» Ф-центра, где секс-роботессы убажали всех желающих – абсолютно послушные, готовые удовлетворить любую прихоть.

Высокие и не очень, худенькие и пышные, брюнетки с огромным бюстом или нимфетки с едва набухшими остренькими грудками, теплые, гладкие, красивые, голые – роботессы разгуливали, соблазняя клиентов. Они дефилировали, покачивая бедрами и крутя попками. Они томно вздыхали, поднимая ладонями груди, тянулись с поцелуями, потягивались, улыбались игриво и манили пальчиками.

Все грани искушения опробовались на вас целой толпой нагих красоток. Одно было плохо – ни одна из прелестниц не имела родителей, всех их выпустили на красноярском заводе, филиале «Дженерал роботс». Модель «Бимбо» в различной комплектации.

Ну, и что? Находилось неисчислимое количество мальчиков, юношей, мужиков и старцев, готовых заниматься сексом с киберкуклами, ведь те были неотличимы от живых женщин, таких капризных, непостоянных, часто недоступных...

В пустом переходе на стене висел большой экран. Показывали новости. Хорошенькая дикторша щебетала:

– Всесоюзная перепись населения стартовала по всей стране. Самую большую активность проявляют жители Московской, Горьковской, Свердловской, Донецкой, Гродненской, Карагандинской и Целиноградской областей.

Девушку на экране сменил ведущий с зализанными волосами.

– К другим новостям, – объявил он деловито, и заговорил с воодушевлением, словно смакуя чужое несчастье: – Трагедии в семьях так называемых юберов все чаще принимают серийный характер. Дети генно-модифицированных родителей мутируют, обращаясь в ужасных монстров...

На экране замелькали жуткие кадры – за полицейскими машинами, вовсю славшими сполохи мигалок, бесновалось нечто живое. Неожиданно оно прыгнуло на капот, а затем на крышу электрокара.

Роман обмер. Он увидел зверя – мозговитую тварь с горящими буркалами и редкой шерстью на загривке, скалившую острые клыки. Сероватая, покрытая струпьями кожа бестии вызвала отвращение – она словно вся беспрерывно сочилась противной слизью.

Оборотив острую морду к небу, мутант завыл, да так, что у Кнурова мурашки пошли.

– Еще две недели назад, – скорбно вещал диктор, – оно было милой девушкой, Селестинной Уорлок. Двух недель хватило для скоротечной мутации – и несчастный отец уже не смог удержать любимое дитя в стенах своего лондонского особняка. Чудовище вырвалось на волю, искусаив и старшую сестру, и мать...

Чудовище на экране, рыча и подвывая, перепрыгнуло с одной машины на другую, соскочило на газон и понеслось прямо на камеру.

Роман сглотнул. Прямо перед собой он увидел оскаленное, сморщенное рыло с кривыми клыками, и круглые белые яблоки глаз с черными крапинками зрачков, и острые уши, поросшие жесткой щетиной. Потом все запрыгало и замелькало, остывая в странном ракурсе – на уровне травы.

– К сожалению, пострадал и наш оператор – мутант оторвал ему руку. Сержант Рэтклифф застрелил оборотня, оказавшегося чрезвычайно живучим – понадобилось шесть пуль, дабы убить то, что некогда носило гордую фамилию Уорлок...

«Понятно, почему так возбудились геноактивисты... – подумал потрясенный выпускник. – А если и я – так?.. Хотя... Какая теперь разница...»

Свернув за угол, он чуть было не налетел на человека, сидевшего на корточках у стены. Худой и бледный, с кожей неприятного землистого оттенка, с длинными волосами, обвисавшими сальными сосульками, с неопрятной козлиной бородкой, сиделец вызывал одновременно и жалость, и брезгливость. Его костлявые руки вылезали из рукавов потертого комбеза, мосластые щиколотки торчали из коротких штанин. Китайские тапочки-«кунфуйки», обутые на босу ногу, дополняли портрет оборванца, а рожки нейрошунтов, прилепленные к бритым вискам, определяли его статус – это был вирт, завсегдатай Ф-центров, до того «подсевший» на фантоматику, что утратил связь с реальностью и потерял к ней всякий интерес.

Мир за пределами биопсихомодуля мнился виртам унылым и скучным, однообразным и безрадостным, этакой картонной декорацией, на фоне которой бледные тени играли нуднейший спектакль.

– Вам помочь? – заботливо спросил УР.

Вирт медленно поднял голову, посмотрел на мальчика-робота с полнейшим равнодушием во взгляде.

– Не помочь, – промямлил он невнятно. – Меня отключили за неуплату. Я выбрал авансами весь свой личный фонд на год вперед... Сейчас март?

– Май, – буркнул Роман. Его раздражал этот... эта особь, выбравшая удел приставки к фантомату.

Вирт вздохнул.

– Придется мыкаться аж до осени... – вытолкнул он.

УР посмотрел на юношу. Видимо, одна и та же мысль явилась им обоим.

– Где вы живете? – спросил Кнуров, скрывая неприязнь.

– Ярусом ниже, – ответил вирт отрешенно. – Квартиру я продал, хватило на три годовых абонементов...

– А вы... не приютите нас? – с запинкой вымолвил Роман. – Ну, хотя бы на одну ночь?

– Не вопрос... Помогите мне встать.

Кнуров, борясь с безгливостью, подтянул лишенца – тот оказался легким, чуть ли не бесплотным.

Ступая на полусогнутых – подколенные жилки стянулись за месяцы лежания, не давая выпрямить ноги – вирт проковылял к узкому трапу, ведущему в нижние помещения.

– Как хоть звать вас? – поинтересовался Кнуров, страхуя вирта.

– Элессар, – отозвался тот.

– Это эльфийское имя, – с неудовольствием сказал Роман.

Вирт кивнул.

– Я – Элессар из рода Вильварин, – гордо проговорил он, распрямляя узкие плечи. – Сам Эарвен, сын Келебриана, король Дориата, возвел меня во владыки Запроливья. Там, на вершине горы Ахуан, высится мой замок. На холме Керин-Амрот я обручился с прекрасной Тинувиэль, и взял ее в жены...

Роме стало не по себе.

– Дети есть? – брякнул он.

– Двое, – Элессар обернулся к нему, ласково улыбаясь. – Эстель и Лютиэн. Старшенькой три годика, а младшенькому второй пошел.

Косолапя, то и дело хватаясь за стену, вирт добрел до светлого перехода, над которым висела табличка: «Комнаты отдыха».

– Я, если мне память не изменяет, жил в четвертой Кэ-О, – пробормотал он, снова сутулясь и сникая. – Сейчас мы... Сюда никто не заглядывает, даже милиция, мы – народ смиренный...

Приложив ладонь к идентификатору, Элессар добился того, что дверь открылась, а красный огонечек блокиратора сменился зеленым.

– Входите, мэлду,⁴ – сказал он, пропуская молодого человека с андроидом в тесную клетушку, три на два, обставленную парой выдвижных коек, одна над другой, откидным столиком да стенным шкафчиком.

Заметив еще одну дверь, Роман кивнул на нее:

– А эта куда?

– К удобствам, – без тени улыбки ответил Элессар. – Там коридор к санблоку, все задние двери Кэ-О выходят туда. Ну, ладно, вы тут обживайтесь, а я пойду. Устал я...

– Да куда ж вы пойдете?

– А к соседу... У него проплачено на три месяца вперед, так что койка свободна. Элуред по кличке Двимор – так его зовут. Он живет к западу от Мглистых гор, в верховьях Андуина. Мы вместе, плечом к плечу, отбивали прошлогодний набег орков, а после высаживали священные деревья мэллирн. Один саженец маллорна⁵ Двимор подарил моей Тинувиэль. Деревце хорошо укоренилось во дворе замка, уже повыше меня вымахало...

Шаркая тапками, вирт скрылся за дверью. Роман прибавил света в комнате, и осмотрелся. Жильем тут не пахло.

КО была временным пристанищем для тех клиентов Фонда избытка, которые сидели «на игле» электронных наркотиков, но не могли оплатить свой «кайф». Тут они ели и спали,

⁴ Это слово в эльфийском языке квэнья обозначает двойственное число к слову «друг», придавая ему превосходительный оттенок. «Мэлду» можно перевести, как «мои лучшие друзья».

⁵ Мэллирн – это маллорн во множественном числе.

тоскливо поглядывая на экран терминала в дешевой конфигурации, где должна была высветиться очередная сумма прописью – «во обеспечение минимума личных потребностей».

Хотя кое-какие приметы дома все ж таки наличествовали: над нижней койкой висел блестящий меч, благородное оружие истинного рыцаря, а на стену между встроенным шкафчиком и БД – блоком доставки – были нацелены яркие стереофотографии. На одной, той, что посередине, была запечатлена миловидная дама в платье, расшитом жемчугами, и с диадемой, ужимавшей пышные волосы. Рыжеватые пряди не скрывали заостренных ушек эльфийки, а в остальном – женщина, как женщина. Тонкое, породистое лицо с маленьким носиком и широко расставленными глазами, нежная ложбинка между грудей...

На другой стереофотке красовался величественный замок – шпили с флажками, могучие башни, зубчатые стены. Третья представляла Элессара, улучшенную копию вирта – усача в бархатном берете, краснощекого и белозубого жизнелюба.

«А ведь он там живет, – подумал Кнуров, – настоящей, взаправдашней жизнью – яркой, насыщенной. Подвиги совершает, орков разных с ограми побивает. Женился вот, дети пошли...»

И как ему докажешь, что реальность – по эту сторону, где у него ничего нет, кроме тоски и ожидания проплаты?

Глянув в зеркало на дверце шкафчика, Роман увидел себя самого – гибкого русоголового парня, взлохмаченного и курносого. Он пригладил рукою волосы и встретился взглядом со своим отражением. Светло-синие глаза – как у мамы! – были красны и растеряны.

– Проверь коридор с «парадного», – глухо сказал он, прижимая ладонь к засветившемуся кругу сенсорного приемника сигналов, – а я гляну с черного хода.

Робот молча кивнул, и скрылся за дверью. Кнуров вышел в коридор. Узкий и длинный, он тянулся от ниши с буквами «WC» до тупичка с пыльным экраном и буквами МА – монетный автомат. По обе стороны прохода тянулись ряды узких дверей.

Осторожно откатив створку пятой КО, Роман разглядел Элессара, свернувшегося калачиком на койке. Остальные комнаты были пусты, а крайняя дверь вела не в жилое помещение, а в гулкое нутро цилиндрической шахты – ее спиралью окручивал металлический трап, винтом уходя вниз, в полутьму и неясный механический шум. «Путь отхода», – криво усмехнулся выпускник.

Вернувшись в четвертую КО, Роман застал андроида за работой – УР деловито застилал «койкоместо». Разодранный пакет с надписью «Стерильно» валялся на полу.

– Я еще не хочу спать, – насупился Кнуров.

– Это не для спанья, – серьезно сказал робот. – Ты ничего не чувствуешь?

Роман прислушался к себе.

– Голова болит, – определил он, – и глаза режет... Сердце колотится, как ненормальное, во рту сухо и противно...

– Это признаки близящейся трансформации, – кивнул УР. – Мои уловители сигнализируют: напряженность твоего психодинамического поля растет скачкообразно...

– Я есть хочу!

Робот удовлетворенно покивал.

– Энергия мозга при метаморфозе расходуется очень быстро, – сказал он. – Тебе нужно подкрепиться. Я уже заказал обед.

Зеленый индикатор над лючком блока доставки требовательно замигал, дринькая звончком. УР сдвинул крышку и взял поднос. Не дожидаясь «дальнейших указаний», Кнуров установил откидной столик и закрепил его.

– А что ты мне заказал?

– Тут упрощенные стандарты. Подано: яичница из четырех яиц с колбасой, куриный бульон с вермишелью, пирожное и зеленый чай.

- Фу-у! Я люблю черный.
- Надо пить зеленый. Без сахара.
- Урчик, я же не съем столько!
- Съешь.

Роман съел. Умолот все, даже зеленый чай выдул – горячую, почти безвкусную жидкость, похожую на воду с оттенком ржавчины. И залег.

Ему было явно нехорошо – чувствовался озноб, Кнурова всего колотило, сердце заходило в бешеном ритме, и кровь пульсировала, отдаваясь молоточками в голове. В ушах звенело, кости ломило, мышцы ныли, будто он их растянул.

УР, поглядывая на «подшефного», снял со стены меч, и повертел в руках.

– Доброе оружие, – оценил он. – Хорошая копия клинка XV-го века. Вот и литера S, заключенная в круг – это своеобразная форма записи «О, благословен». O Sancta...

Кнуров повертелся – что-то ему мешало. Запустив руку в карман брюк, мальчик нащупал там монету. Юбилейный рубль, отчеканенный в 2036-м. Он дня два таскал его с собой, все Мишке хотел отдать. Луценко раньше марки собирал, а нынче стал заядлым нумизматом. Повертев никелевый кругляш в пальцах, Роман сказал охрипшим голосом:

– Урчик... Отдай ее Элессару – этого хватит часа на два-три. И нам будет спокойнее...

УР кивнул. Приняв монету, он вышел.

А Кнурову становилось все хуже. Слезающиеся глаза ничего не видели за жгучей влагой, а тело словно онемело – непонятно было даже, лежит он на койке или свалился на пол. Ног Роман не чувствовал, а руки... Подняты они, что ли? Или это не его конечности, а Урчика?..

На Кнурова накатила волна, перед глазами заплескали спектральные пятна.

– Психодинамический резонанс... – доплыл до него голос УРа, и Роман почувствовал, будто его тело растаяло.

Ни одного касания не доходило до мозга. Он попробовал шевельнуть пальцем, но у него ничего не вышло. Зато его нос картошкой вдруг четко отличил сотни запахов – пах даже рыцарский меч!

Роман дико устал от переживаний, и уже ничего, казалось, не могло потрясти измученный рассудок, как вдруг он увидел то, что произойдет лишь два часа спустя: Элессар предаст их!

Кнурову представилось, как вирт, уже в пышных одеяниях владыки Запроливья, подсказал на белом коне к терминалу информатория, изображенному Старой башней. Вот он достал из-за пазухи мятое объявление с броским заголовком «Разыскивается» – и связался с теми...

А потом все пропало. Роман увидел над собой озабоченное лицо УРа и почувствовал на щеках холодные струйки – андроид брызгал на него водой.

– Все в порядке, – хотел Кнуров выдавить из себя, да не смог – весь мир опять заткало цветастой пеленой.

Из нее наплывом – лицо отца. Папины губы шевелились, и вот прорезался звук: «... Была даже мода на юберов – неумные родители сами просили модифицировать их дитя. Они не понимали, что далеко не у всех юберов просыпаются необычайные способности, а вот необычайную генетическую болезнь заполучить – проще простого. Вот у меня ничего такого, метапсихического, не пробудилось, зато долго проживу, и слава Богу...»

Родное лицо отделилось и растаяло в сумятице цветных пятен. Из их мельтешения приблизился горбоносый профиль учителя. Алексей Петрович глянул вполборота, и сказал: «Человеческий организм совершенен, все его потенции гармонично сбалансированы, и лишь одна или несколько родственных возможностей отклоняются от нормы. Эти-то возможности мы и называем талантом. А вот генные операции разрушают гармонию. Родители хотят видеть своих детей сверхэмоционалами и сверхинтеллектуалами? Их право. Но надо помнить, что ничего не дается даром – переразвитые способности будут инициироваться за счет недораз-

витости прочих систем организма, а это потянет за собою хвост опасных мутаций, хворей и уродств...»

Долго ли, коротко ли, но слепящая тьма рассеялась.

Роман вновь ощутил себя лежащим на койке. Сердце билось ровно, дыхание было спокойным, а вот и в голове прояснилось.

Урчик наклонился к нему, обтирая лицо Кнурова влажным горячим полотенцем.

– Как ты? – заботливо спросил робот.

– Нормально... – прошептал Роман. – Только слабость така-ая...

Он перекатил голову по тощей казенной подушке, утомленно поражаясь тому, что видел. Зеркало шкафчика было разбито, а на потолке, на стенах облицовка вздулась пузырями, кое-где покрытая пятнами сажи.

– Кто тут чего жег? – выговорил Роман.

– Ты, – просто ответил робот. – Это был пирокинез.⁶

Кнуров вяло удивился – и вспомнил все.

– Нам надо бежать, – пробормотал он, порываясь встать, – За нашу поимку объявлена награда – и Элессар сдал нас...

Урчик не нахмурился, как это сделал бы на его месте любой мальчишка.

– Когда он оплачивал продление абонемента, – сказал он, – то предупредил, чтобы мы не открывали никому, кроме него, а он, если что, даст знать о себе условным стуком – три коротких и три вразбивку...

– Так он уже вернулся к своим эльфам! Знаю я, кого эта сволочь предупредила!

В этот момент в дверь постучали: тук-тук-тук, тук, тук, тук.

– Минутку, – ответил УР, помогая Роману встать и утвердиться на ногах.

Комната плыла и шаталась, Кнуров видел все, будто во сне.

– Уходим... – выдавил он, наваливаясь на заднюю дверь.

Робот вооружился мечом и шагнул следом.

– Откройте немедленно! – заревело по громкой связи.

В следующее мгновение замок на двери брызнул обломками, глуша выстрел. В комнату ворвались двое громил, последним втиснулся Джай.

Роман, не зная, что делать, кинулся к шахте, но по винтовой лестнице уже поднимались – шаги преследователей грохотали гулко и резко, вот-вот ворвутся в коридор. Кнуров ввалился в соседнюю КО, где недавно почивал предатель-вирт.

Из коридора донесся шум борьбы и дикий вскрик. Шаркнул выстрел.

– УР! – слабо закричал мальчик. – Сюда...

Робот ворвался, вооруженный мечом. Лезвие клинка было в крови. В другой руке он сжимал пистолет с глушителем. Выстрелив в коридор, андроид с разбегу вышиб переднюю дверь.

– Выходи, я прикрою, – сказал он, принимая стойку и отводя меч.

Кнуров бросился вон. Ноги у него заплетались, плечом новоявленный юбер ударился об косяк.

– Попался! – рявкнул кто-то жирным голосом.

Роман обернулся, припадая спиной к стене, и оказался лицом к лицу с Джаем, вскидывавшем оружие.

Выпускник выбросил ладонь в жесте защиты – и блестящий «магнум» вырвался у киллера из руки. Описав короткую дугу, он ткнулся Роману в ладонь.

⁶ Способность повышать температуру на расстоянии силою мысли, вызывая огонь. Первым пирокинетиком, вероятно, можно считать Святого Северина, молитвою своей зажигавшего свечу.

Джай выпучил глаза, Кнуров поражен был не меньше. Неловко ухватившись за рубчатую рукоять, он задел спусковой крючок, и в широкой груди убийцы зачернела дыра – юбилейным рублем не закроешь. Кровь брызнула липкой струйкой.

Роман бросился прочь, сгибаясь от тошноты – это его и спасло. Две пули прозудели над ним, чиркая по встрепанным волосам.

– Уходим, – бросил УР, стреляя в ответ. – Ты первый.

Спотыкаясь, Кнуров бросился к трапу и поднялся в извилистый коридор киберлупанара. Из-за дверей модулей неслись сладострастные стоны, вскрики и аханья. Все дрожало и качалось перед выпускником, а в виски долбилась одна мысль, повторяясь в разных вариациях:

«Я убил человека! Я убил! Недочеловека ты убил, придурок!»

Неожиданно раздался громкий выстрел и того же калибра ругательство. Матерясь и прикрывая простреленную ногу, некий распаленный громила заковылял по коридору Роману навстречу, направляя на него длинноствольный черный «Кольт сикс-шутер».

«Викинг» в руке андроида оказался быстрее – две пули поразили матерщинника в шею и в голову, выбивая рубиновые брызги.

– Готов, – хладнокровно сказал УР за спиною Романа. – Вперед.

И тут сразу трое голых, но с оружием, выбежали из модулей. Андроид присел на расставленных ногах, и вскинул оружие. Пули с отвратительным чмоканьем рвали грудины и животы парочки белотелых здоровяков, бежавших впереди. Третий пал на карачки и поспешно уполз за дверь модуля-будуара, едва не сбив с ног роботессу – та так и замерла с застывшей улыбкой на лице. Зависла, бедная.

Повернув голову к Роману, она призывно подняла руками и сблизила шары груди.

– Иди ко мне... – нежно проворковала она.

В следующую секунду шальная пуля снесла ее правую округлость, вскрывая нечто вроде пчелиных сот, сочившихся белой жидкостью, пузырившейся на блестящих дугах эндоскелета.

– Уходим, уходим!

– За мной, – андроид прыгнул на рельсы.

Роман скакнул следом, поднажал, убегая в темноту и неизвестность туннеля.

– Я убил Джая! – чистосердечно признался он.

– Ты защищался.

– Он был без оружия!

– Твои родители тоже. К тому же, после трансформации человек неадекватен.

Кнурова не утешили слова робота, ему было тошно. Но маленькая злая радость всё же пробивалась через все блоки и табу, внедренные совестью и воспитанием.

Он сдержал свое слово! И отомстил...

Глава 3. Зачистка

Далеко уйти не удалось – туннель перегораживала грубо сваренная решетка. Совсем уж темно не было, откуда-то издалека доходившие отсветы фар сползали по вогнутым стенам, расширяясь и угасая – видимо, там проходил автоярус.

Роман подергал решетку.

– Может, из пистолета? – предложил он. – По замку?

УР покачал головой.

– У нас осталось мало патронов, – сказал он. – Но здесь должен быть выход наверх...

– А это не он, случайно? – указал мальчик на неприметную стальную дверь.

– Вполне может быть.

Тратить боеприпас не пришлось – хлипкий замок сломался после хорошего тычка. Наверх уводил гулкий трап с дырчатыми ступеньками.

– Склад тут у них, что ли? – осмотрелся Кнуров, поднявшись.

В довольно обширном зале стояли в рядок упакованные нейромодули, а у стен пылились пластмассовые ящики с запчастями для фантоматов, сложенные неаккуратными штабелями.

– Слу-ушай, УР, – протянул Роман, – а ты сможешь подключить модуль к сети? Он же незарегистрированный! А я бы с него вышел на комп Алексея Петровича... Через информаторий, разумеется.

– Попробую, – кивнул робот, – хотя времени мало. Нас ищут.

– Пусть поищут...

УР придвинул один из нейромодулей поближе к фидеру, и дотянул до него кольчатый кабель. Кнуров стащил с устройства прозрачную пленку.

Больше всего биопсихомодуль походил на саркофаг с прозрачным фигурным колпаком. Внезапно колпак осветился, пульт запищал, замигал огоньками.

– Подключение произведено, – доложил УР. – Можешь укладываться.

Роман живо поднял колпак, и улегся, погружаясь в мягкость. Двумя руками опустил на голову колпак-шлем, истыканный пучками проводов. Готов к погружению.

– Напоминаю, – забубнил робот, – связаться напрямую с информаторием не выйдет, нужно сначала погрузиться в виртуальную реальность, и уже оттуда попробовать.

– А навещу-ка я нашего друга Элессара! – сказал Кнуров с усмешечкой. – То-то он обрадуется...

– Приступаю к тестированию периферийного оборудования. Фантомат – тест пройден. Имитаторы – тест пройден. Энергоприемник... Секундочку... Тест пройден. Нейроинтерфейс... Система жизнеобеспечения... Объемный софт... Тестирование завершено, подключая периферийное оборудование.

– Валяй...

– Выполнено.

– Ввод!

* * *

Мир растаял, погружаясь во тьму. Роман утратил, как давеча, все чувствования, и вот ощущение тела вернулось. Никакой слабости – он был бодр и силен.

Кнуров прищурился – свет возвращался, принося и звуки, и запахи. Он стоял в удивительном лесу, заросшем деревьями мэллорн – их гладкие серые стволы уходили ввысь метров на семьдесят. Кожистые листья, темно-зелёные сверху, с изнанки отливали серебром, а с веток

спускались красивые душистые соцветия, пушащиеся желтыми лепестками. Аромат их волнами ниспадал в безветренном воздухе. Заливисто пели птицы.

Роман оглядел себя самого – одет он был по здешней моде. Штаны заправлены в мягкие сапожки, длинная рубаша с богатой вышивкой подвязана ремнем. Сбоку висел меч в ножнах.

Потрогав уши, выпускник убедился, что они с острыми кончиками, как у эльфа.

– Ну-ну... – буркнул он, и двинулся по тропинке.

Та вилась недолго, выведя вскоре на опушку, с которой открывался великолепный вид – покатые холмы полосатились от виноградников, за угодьями сверкала река, а впереди, на фоне синих гор, возвышался замок.

– Красота-то какая... – пробормотал Рома. – Лепота!

Чем ближе подходил он к замку, тем больше ему встречалось местных – изысканных эльфов, грубоватых гномов, здоровенных, туповатых огров. Мощно взмахивая перепончатыми крыльями, пролетел дракон, огромный, как автобус.

Оставив по левую руку прелестную деревушку, Кнуров проследовал в замок, минуя мост, переброшенный через ров.

Мост был подъемный, подвешенный на цепях, а единственный страж врат, закованный в латы, с рыжей косицей, торчавшей из-под шлема, бессовестно дрых на посту.

Во дворе замка, перед дворцом с островерхой крышей, рос мэллорн, а вокруг были разбиты клумбы, засаженные разноцветными маллосами, похожими на колокольчики, и бесчисленными симбэльминэ – крошечными звёздчатыми цветочками.

По двору важно прогуливались эльфы и люди, одинаково разряженные. Увидав Романа, все стали переглядываться и перешептываться.

– Мне нужен Элессар из рода Вильварин! – громко объявил Кнуров.

Спускавшаяся по лестнице эльфийка, портрет которой Рома видел в четвертой КО, спросила удивленно:

– Кто ты, о, чужестранец?

– Недавний знакомец вашего супруга, миледи.

Тут толпа взволнованных и заинтригованных эльфов расступилась, давая дорогу владыке. Узнать в этом бодром и энергичном рыцаре жалкого вирта было сложновато – чеканное лицо Элессара дышало силой, каждая черта его была мужественна и благородна.

– Я тот, кого ты звал, – сказал он с нотками властного превосходства в глубоком голосе. – Кто ты, гость?

Роман скупно улыбнулся, подражая Фернандо в сцене представления королю, и ответил с небрежным поклоном:

– Я один из тех двоих, кого ты называл своими мэлду. И которых ты продал, как Иуда! Защищайся!

С этими словами он выхватил меч, и бросился в атаку. Толпа с криками раздалась в стороны, а отступивший владыка Запроливья потянул из ножен свой клинок.

Первый выпад Романа вирт отбил, и второй, и третий.

Его напряженное лицо искажала мука – Элессар защищался, не переходя в наступление. Казалось, он не боролся за жизнь, а лишь отдалял неизбежную смерть. Возможно, мучился угрызениями совести?

Кнуров наносил удар за ударом, кроил воздух по вертикали, опуская свистящее лезвие, рубил сбоку. Фехтованием он никогда не занимался, и ни разу в жизни не брал в руки меч – это фантомат даровал умение боя, в качестве программного обеспечения.

Крученым ударом Роман вышиб меч из руки Элессара. Вирт не удержался и упал навзничь, острое кнуровского клинка вдавило ему кожу на горле, пустив струйку крови. Взгляд поверженного противника принял загнанное, обреченное выражение.

– Смилуйся, о, чужестранец! – вскричала Тинувиэль, падая на колени. – Не убивай его! Умоляю!

С треском распахнулось дворцовое окно, и оттуда донесся детский вопль:

– Папочка! Папочка!

Это доконало Кнурова. Он отнял меч от шеи Элессара и бросил его в ножны.

– Где тут информаторий? – холодно спросил Роман.

– В-в... – выдавил вирт, растирая кровь. – В Старой б-башне.

Поклонившись Тинувиэль, Кнуров развернулся и пошагал прочь. Ненависти к Элессару он не испытывал, а уж в том, чтобы добить поверженного врага, чести мало.

Пусть уж лучше помучается теперь владыка Запроливья, вернувшийся к семье за рубль. За тридцать сребреников.

Покинув замок, Роман спросил у косматого гнома, трудившегося в кузнице неподалеку:

– Скажи-ка, любезный, как мне пройти к Старой башне?

Кузнец вытер пот грязной пятерней, и указал в сторону реки:

– А вона она, на утесе.

– Благодарю...

Пройдя извилистой дорогой меж холмами, Кнуров выбрался на берег Андуина и поднялся по крутым, сбитым ступеням к могучей круглой башне. Внутри монументального сооружения вела не менее мощная дверь, подвешенная на пудовых петлях, а у входа грелся на солнышке привратник с длинными седыми усами, похожими на моржовые клыки, в высоком остром колпаке – такой образ принял софбот, метапрограмма Всеобщего информатория.

– Кого ищет странник? – промурлыкал седоусый, жмуря глаза.

– Мне нужно сконнектиться с Алексеем Петровичем Ворониным, учителем.

– А ничего, что в Москве уже час ночи? – открыл старец один глаз.

– Дело жизни и смерти! – выпалил Кнуров.

– Входи, странник...

Роман вошел в башню. Там было сумрачно и прохладно.

Широкая лестница вводила наверх, делая два оборота и заканчиваясь у дверей, искусно отделанных слоновой и черепаховой костью.

Волнуясь, Кнуров постучался. Ни звука в ответ. Лицеист забарабанил энергичней, уже готовясь признать поражение, но тут одна из створок открылась, и наружу выглянул учитель Воронин.

Вернее, Роман секунды две разглядывал благообразного волшебника в длинном сюртуке, поверх которого была наброшена лиловая мантия, колыхавшаяся на сквозняке, с белой бородой и серебристыми волосами до плеч, и лишь потом стал узнавать нос с горбинкой и пронизательные серые глаза за половинчатыми стеклами очков, которых Воронин сроду не носил.

– Учитель! – воскликнул Роман и чуть не разревелся. – Учитель...

Алексей Петрович не стал бодро советовать успокоиться, а просто легонько прижал ученика к себе.

Кнуров унял расходившиеся нервы, и отстранился.

– Кое-что мне уже известно... – тихо проговорил Воронин. – Рассказывай.

– Извините, что поднял вас...

– Какие пустяки! – отмахнулся учитель. – Тем более что я не спал. И Миша, и Алла – вся группа у меня. Ребят я еле уложил, а сам заперся в кабинете, чтобы их не будить. Слушаю, Ромка...

И Ромка стал рассказывать. Он говорил, не выгораживая себя, и ничего не приукрашивая. Выдохся и затих. Алексей Петрович тоже молчал, задумчиво потирая подбородок.

– Не буду говорить слов сочувствия, – сказал он, наконец, – от этого тебе легче не станет...

– Я убил человека, – напомнил Кнуров, втайне надеясь на отпущение греха.
Учитель покачал головой.

– Ты убил врага, – сказал он, – а это совсем иное дело. Разве наших прадедов, что воевали с фашистами, можно называть убийцами? Нет, Ромка-хомка, они были солдатами.

– Тогда шла война...

– И сейчас – тоже. Идет твоя война. И моя. Ты видел, что творится на улицах?

– А что там? А, эти, с плакатами...

– Начались погромы, Ромка... – тихо сказал Воронин, и нахмурился: – Связываться со мной даже через информаторий весьма небезопасно для тебя!

– Нейромодуль незарегистрирован...

– Нельзя недооценивать врага, Ромка. А тебя преследуют именно враги, могущественные и опасные. Давай, сделаем вот что... Помнишь то место, где мы купались, а Рита нашла ржавый штык от винтовки?

– А-а!

– Не говори, где! – поспешно сказал директор. – Помнишь?

– Помню!

– Приходи туда завтра утром, к девяти часам. Раньше я, боюсь, не успею обо всем разузнать.

– Хорошо, Алексей Петрович, – вздохнул Роман, и вымученно пошутил: – Будем, как штык.

– Ты со своим роботом? Очень хорошо! Ну, до завтра. И будь предельно осторожен – заварушка начинается неслабая. Пока!

– Пока... Ой, Алексей Петрович!

– Что, Хомка?

– Алексей Петрович... – Кнуров задохнулся от волнения. – Вы не могли бы позвонить тете Маше... Марии Кутейщиковой? Это моя няня. Попросите ее, пожалуйста, забрать... – горло сжало, как удавкой. – Прах моих родителей. Ей можно...

– Обязательно, Ромка, – серьезно сказал учитель. – До завтра.

– До завтра...

Роман покинул обиталище мага, и аккуратно закрыл за собою дверь.

На лестнице его поджидал привратник. В руках он держал послание-месседж, по старинному обычаю скрученное в трубку и перевитое золотой нитью с болтавшейся печатью.

– Вам письмо! – торжественно объявил седоусый.

«От кого?» – хотел было спросить Кнуров, но не успел. Сгустилась тьма, скрывшая и Старую Башню, и привратника.

В полном мраке мигнул значок Мировой Сети, обозначая закрытый доступ, и перед выпускником будто прорезалось светлое окно. Или экран. А в экране...

Там был отец. Подавленный, с грустной улыбкой, он сидел в своем рабочем кабинете, сгорбившись и положив руки на стол. Подняв глаза, Кнуров-старший заговорил:

– Здравствуй, Ромка... Если ты получил это письмо, значит, меня уже нет в живых. Помнится, я очень боялся, что забуду его стереть, если мои опасения окажутся напрасны... Ну, да ладно. – Отец вздохнул. – Мне очень трудно говорить, мне очень не хочется этого делать, но и молчать я больше не могу. Я устал врать и притворяться, лишь бы сохранить тайну, бояться, что меня вычислят и раскроют мой секрет. Сегодня я сделал предложение твоей маме. Предложение руки и сердца, чего она так ждала, так хотела. А завтра у нас будет свадьба... Моя возлюбленная станет Кнуровой, а ты – законным Эдуардовичем. Я чувствую сразу и громадное облегчение, и великий страх. То, что меня могут убить, пугает не сильно, но можете пострадать и вы с мамой. Вот, что терзает меня и не дает покоя. Однако назад дороги нет, свадьба состоится обязательно. Я должен, я просто обязан оформить наши отношения, дабы иметь

нормальную полноценную семью. Даже если наша семейная жизнь прервется, не начавшись, как следует. И опять эти угрызения: «А причем тут Светочка и Ромка? За что пострадают они?» Сынок... Я очень хочу, чтобы ты простил меня за эту мою слабость, за то, что я сдался – и открылся. Поверь мне, это очень тяжело – годами сохранять в тайне, что у тебя есть сын, прятать вас от всего мира, изобретать все новые и новые ходы, дабы не выдать мою истинную жизнь, мое счастье, мою семейку... – отец вздохнул, и устало отер лицо ладонями. – Я, видите ли, должен был взять в жены ту, кого определяют мне в пару по генетическим соображениям. А вот у меня было свое, особое мнение на этот счет. Если ты жив, Ромка... – лицо Кнурова-старшего исказилось. – Если ты жив, то совсекретные сведения, которые я сейчас выдам, могут тебя погубить. За их раскрытие убивают, Ром... В общем, полвека назад, где-то в начале девяностых, новые номенклатурные работнички, прозванные сислибами, задумались о своем будущем. Не все скопом, конечно. Просто создалась анонимная группа, но довольно-таки значительная. Эти анонимы не придумали ничего лучшего, чем включиться в сверхсекретный проект «Имаго» – и стать новым подвидом. Хомо новус или хомо супер – выбор названия зависит от фантазии... Сверхмыслители и сверхэмоционалы, живущие по триста лет – при таком-то «апгрейде», куда как легко сохранить свою власть! Не только сохранить, но и упрочить, возвести в степень. Да и кто из обычных смертных сравнится с сислибом, у которого за плечами пятьдесят, а после – и сто лет образования, умения, опыта? Сверхпрофессионалы, мать их... Прости, Ромка. Далеко не все сислибы или, как их еще прозывали газетчики, «электы», то бишь «избранные», были посвящены в детали программы «Имаго», но мамочек подкупило то, что их дети получают отменное здоровье и долгую молодость. Папочки же были очарованы иным: у чад должны были прорезаться метапсихические способности хомо новусов, что, по идее, сразу же поднимало их над обычными хомо сапиенсами. Почти бессмертным, почти магам – вот кому они готовились передать свою власть! Уже пошли разговоры об Империи, да только секретность подкачала – в двадцатых, когда родились первые юберы, оказалось, что не все из них, мягко говоря, здоровы. Эти «дворцовые тайны» получили огласку, и электы затаились... Все это было мне известно, дедушка твой рассказал, а совсем недавно я узнал куда больше моего папули... Информацию про юберов, про «оборотней» прессе подкинул кто-то из электов. Это был самый настоящий «слив». И я не удивлюсь, что нынешние демонстрации и беспорядки вызваны ими же, этим тайным обществом внутри тайного общества! Понимаешь, Ромка? Кто-то холодный, мерзкий и подлый воспользовался ситуацией, обращая ее себе на пользу, и мутит воду! Кто он, я понятия не имею, зато знаю, что нескольких моих знакомых, пытавшихся докопаться до истины, нашли мертвыми. Если с тобой все хорошо, Ромка, будь очень, очень осторожен! Береги маму, а если... Нет, не хочу даже думать об этом! На всякий случай... Прощай, Ромка-хомка. Прости своего глупого генно-модифицированного папку, и помни, что он всегда любил тебя...

Тут отец вздрогнул, мгновенно нацепил обаятельную улыбку, и бодро крикнул в сторону дверей:

– Иду, иду, Светочка!

Щёлк. Конец сообщения.

Снова стало светло, а вот на душе у Романа прибавилось потемок.

Медленно ступая, Кнуров вышел обратно на солнце, и скомандовал:

– Выход.

* * *

Перегородку все-таки пришлось раскурочить – с помощью лома.

– Тебе бы поспать, – измолвил робот, шагая по темному туннелю.

– Потом, – сонно сказал выпускник. – Голова пухнет от мыслей...

Он шагал по шпалам, досадуя, что расстояния между ними такие неудобные – или семенишь приходится, или шагать слишком широко.

В сторонке попискивали крысы, избежавшие локальной биозачистки. И немудрено – Москва подземная зело обширна.

Метров через сто туннель закончился – его пересекал автоярус, по которому непрерывным потоком двигались беспилотные фуры.

Лишенные кабин, с капотами, расщеперенными визирами, грузовики-автоматы шли почти вплотную друг к другу, как вагоны железнодорожного состава с невидимыми сцепками.

– Тут черта с два перебежишь... – уныло вздохнул Роман.

– Видишь скобы на капотах? – сказал УР. – Надо на бегу вцепиться в них, и забраться наверх.

– А потом?

– Суп с котом, – блеснул андроид знанием странных людских рифм. – Жди здесь и будь готов.

Робот отбежал в сторону, противоположную движению огромных грузовозов, и ловко запрыгнул на капот одного из них. Укрепившись на покатом боку машины, он свесился, вытягивая руку.

– Беги и прыгай. Я подстрахую.

Роман кинулся бежать, едва не задев локтем теплый пластик кузова.

– Хватайся.

Кнуров уцепился за скобу, подтянулся, и тут же крепкая длань УРа ухватила его, потянула вверх.

– Держись.

– Держусь...

Низкое урчание моторов сливалось в общий гул, полнивший туннель. Иногда автоярус прерывался решетчатым мостом, проложенным над линиями метро – рельсы блестели внизу стальными параллелями, непривычно пустые. Два часа ночи...

Сонливо моргая, выпускник заметил, как впереди чередой загорелись стоп-сигналы. Грузовик-автомат затормозил, и остановился.

– Что там? – пробормотал Роман.

– Автоярус перекрыт!

Кнуров вздрогнул, отгоняя сон.

– Машины проверяют?

– Обыскивают, – уточнил УР. – Ищут кого-то.

– Нас, может?

– Может, и нас.

– Смываемся!

Роман слез с теплого капота, и бочком-бочком двинулся между бортом грузовоза и хлипким ограждением. Было темно, но редкие лучи фар не рассеивали, а еще пуше сгущали мрак. Правильно, зачем автоматам свет?..

Шагая по шаткому решетчатому мостику, Кнуров растерял остатки дремы, лишь тяжелая усталость копилась в голове, в мышцах, в душе – где уж она там прячется, душа эта...

Из черноты наплывал гул вентиляторов, искусственный ветер, припахивавший озоном, обвевал, трепля волосы, и Роман вдруг почувствовал себя Очень Маленьким Существом. Забиться бы куда-нибудь в нору поглубже! И чтоб никому его не достать...

– Где мы? – спросил он. – Примерно, хотя бы?

– Большое Кольцо, – сказал УР из темноты. – Юго-Западный сектор. Ближе всего мы к станции «Проспект Вернадского».

Вскороности удалось выбраться к эскалаторам. «Лестницы-чудесницы» стояли, так что пришлось Кнурову поработать ножками. Выход в город с вечера заблокировали, но изнутри двери открылись, размыкая три слоя акустической защиты...

И Ромка шагнул в ад.

Грохот, рев, крики, вой сирен ударили по ушам. Проспект Вернадского пылал – горело несколько электробусов и перевернутая автоплатформа бюро обслуживания. Милиционеры разгоняли толпу, горячие выхлопы станнеров⁷ сливались в длинные очереди, голубые парализующие лучики сеялись веером, бликуя в стробоскопическом мельтешении, бросая отсветы на транспаранты, валявшиеся на земле.

«Смерть мутантам!», «Выжечь заразу!», «Юберов на фонарь!» Нормалы...

Со стороны университета подъезжали фургоны с надписями «МИЛИЦИЯ», красные отсветы мигалок кружились по улице, выхватывая стены, людей, деревья.

– Уходим! – крикнул Ромка, пригибаясь.

Из-за павильона станции метро выбежал взвод омонцовцев в легкой броне. Грузной трусцой они направились по тротуару, обходя нормалов с левого фланга.

Выпускника и «роботенка» заметил лишь один из чинов – мелькнуло озверелое лицо за прозрачным забралом, а потом на проспект вывернула пара черных бронетранспортеров, вращая башенками. В амбразурах ходили вверх-вниз ребристые стволы гидропушек. Тугие белопенные струи воды ударили с шипеньем и гулом, опрокидывая человеческие фигуры, снося их, смывая...

Милиция ломилась, но и нормалы не сдавали позиций – описывая дымные дуги, полетели бутылки с «коктейлями Молотова». Они разбивались о броню транспортеров, и стекали струями жидкого, копотного пламени.

Шарахаясь, прячась за подстриженным кустарником, за буфетами-автоматами и боксами механических уборщиков, Роман побегал на полусогнутых в сторону Дома студентов.

Вокруг ДСВ бесновалась толпа. Раздавались возгласы:

– Здесь они засели! Сам видел!

– Студенты их прячут!

– Гэмэошники проклятые!

Из окон общаги в нормалов летели бутылки, стулья, горшки с цветами, но толпа не снимала осады, сатанея все больше. И вот четверо самых здоровых подхватили тяжелую скамью, разбежались и ударили ею в двери, как тараном. Штурмующих окатили водой с верхних этажей, но это не охладило пыл – таран ударил снова. Двери затрещали, лопаюсь...

В небе застрекотал милицейский вертолет. Яркий свет прожектора нашарил толпу – и сверху посыпались дымящиеся усыпляющие шашки. Студенты прыгали за окнами, готовясь стоять насмерть.

Обежав вокруг пруда, Кнуров двинулся дворами, но спокойствия не было и здесь. Мимо Романа пронеслись пьяные мужики, вооруженные битами и стальными прутьями-арматуринами.

– Он в том подъезде живет! – орал бегущий впереди. – Я знаю!

– Пожил, и хватит с него!

– Га-га-га!

Метнувшись к детской площадке, выпускник обмер – на перекладине качелей висел человек. Не чучело, а настоящий мертвец, с табличкой на груди, извещавшей, за что его линчевали: «ГМО».

– Да что же они творят! – дрожащим голосом проговорил Кнуров.

– За мной, – велел УР, вбегая под арку.

⁷ Станнер – низкоэнергетическое ручное оружие, пистолет-парализатор.

- Стой! – осадил его Роман. – Не туда!
- А куда?
- Надо Наташу найти!
- Это далеко?
- В трех кварталах отсюда!
- Рекомендую – бегом...

Едва не споткнувшись о лежавшее на газоне тело, Кнуров бросился бежать. Совсем недавно он обязательно бы проверил, что случилось: вдруг человек потерял сознание и ему нужна помощь? Но сейчас...

Или упавший пьян, или мертв. Господи, как быстро привыкаешь к ужасному, к немыслимому!

Где-то за сквером гомонила толпа, хриплый голос надсаживался:

– Хватит терпеть генный беспредел! Доигрались уже! Мутанты бегают по улицам, нападают на нас, на людей, на нормальных хомо, загрызают младенцев! Доколе?!

– А сколько юберов прячется? Сколько генно-модифицированных оборотней поджидают нас в подъездах?!

- Выжжем заразу!
- Каленым железом их!
- Постоим за деток наших!
- Да здравствует норма!

Обойдя митингующих, Роман с УРом побежали дальше, радуясь ночному мраку.

Ночь была теплой, ветерок доносил аромат сирени и неприятный чад. Далеко-далеко были сирены, придавая всему – игре света и тени, шороху листьев, – тревожный, пугающий оттенок.

За многими окнами теплился свет, но больше всего было темных, слепо отражавших ночь. Впрочем, можно было спорить, на что угодно, что не спали во всех квартирах и особняках.

Внезапно высоко-высоко с грохотом распахнулось окно, и протяжный вопль огласил окрестности.

– А ты левитируй! – крикнули следом. – ГМО драное...

Отчаянно воя, несчастный долетел и врезался в крышу электромобиля, стоявшего у подъезда.

- Сволочи, – выдохнул Кнуров, – какие сволочи!
- Задыхаясь на бегу, он припустил еще сильнее, и не сразу разобрал сказанное УРом.
- Что? – обернулся Рома.
- Я говорю, что это голос Наташи Мальцевой.
- Где?!

Отчаянный крик раздался впереди, совсем недалеко, в той стороне, где прямо посреди улицы стояла машина медслужбы. В свете фар мелькнула знакомая фигурка – Наташа бежала босиком, в одной коротенькой ночнушке. Следом неслись неясные фигуры, громко топоча башмаками.

- Слева, слева обходи!
- Хватай ее за дойки! Гы-гы!

Ромка почувствовал, как его всего переполняет слепящая ярость. Не думая, не соображая ничего, он вытянул вперед руки, словно останавливая погоню, и в ту же секунду клуб яркого пламени сорвался с его ладоней. Огонь на мгновение высветил небритые, перекошенные морды, выпученные глаза, тут же охватывая одежду и волосы нормалов. Те заорали, запрыгали, словно исполняя дикий танец, а Кнуров бросился к Мальцевой.

– Наташа!

– Рома! Ты?!

– Я! Я! Бежим!

Все трое нырнули в заросли скверика.

– Девушке лучше обуться, – резонно заметил УР.

– Ох, черт... – смутился Роман. – Щас я...

– Нет, – остановил его робот, – лучше я. Мне без разницы, как бегать, а вам будет больно.

Наташа вытерла ноги о траву, и сунула их в предложенную обувку.

– Папка в командировке, – стала она рассказывать, быстро, стараясь поскорее выговориться, – мама на даче, а я ночевала у тети Томи. Тетя задержалась у подружки, я легла одна, и еще Мурчик был, кот тетя-томин... А потом как закрутилось все, как завертелось... Там горит, там кричат... И тут стали ломиться к нам! Их было пятеро. Они вышибли дверь, и ворвались... Сама не понимаю, как убежала. Пьяные, мерзкие, вонючие... Фу!

Лицо девушки скрывалось в тени, зато тонкая ткань ночной рубашки красиво облегла грудь – на нее-то Роман и смотрел, радуясь, что его откровенный интерес не замечен в темноте. А соски набухали, видимо, от ночной прохлады, проступая отчетливо и волнуяще...

Наташа вздрогнула, поежилась, и Кнуров моментально устыдился: не о том думаешь!

– Господи, что я за дурак такой... – пробормотал он, сдергивая с себя курточку и накидывая ее на плечи девушки. Приобнять Наташу Рома постеснялся.

– Да не надо... – слабо воспротивилась Мальцева.

– Надо, – настоял Роман, – а то замерзнешь. Ну, что? Пошли?

– Пошли, – согласилась Наташа. – А куда?

Кнуров объяснил, где учитель предложил встретиться.

– Так это только утром... – протянула девушка. – А давайте пока заглянем к нашим? Дом Володьки Кутнова рядом совсем.

Романа куснула ревность, но он постарался ответить твердым, мужественным голосом:

– Показывай дорогу.

* * *

Они шли знакомыми московскими улицами, но чудилось, что вокруг прифронтовой город. То и дело попадались мертвые тела – Наташа ощутимо вздрагивала, замечая их. Кнуров разочек обнял ее за плечи, девушка на секундочку прижалась к нему, словно ища защиты.

Они шли, огибая остовы сожженных машин, уступая дорогу пожарным. Кое-где огонь выбивался из разбитых окон первых и вторых этажей, и там, в светящемся дыму, мелькали чьи-то тени. Вряд ли то были спасатели, скорее уж мародеры.

Парень, девушка и робот шли, выбирая места, где тень была погуще, и всякий раз приседали, прятались, лишь только показывалась милицейская машина или квадратный джип на колесах-бочках, битком набитый орущими нормалами – доверять нельзя было никому.

Они шли, постоянно слыша крики о помощи, девичьи взвизги, вой сирен и редкие выстрелы. Хотелось закрыть глаза и заткнуть уши, лишь бы не испытывать удушливый стыд за собственную беспомощность и липкий, знобящий страх.

– Пришли! – выдохнула Наташа, ощупью находя ромкину руку.

Кнуров сжал в ладони тонкие, холодные пальцы девушки, и уже не отпускал.

Дом Кутновых ничем особенным не выделялся – обычный модульный коттедж с плоской крышей, на которой дымился квадрокоптер из Службы доставки. «Квадрик» покосился, свесив полфюзеляжа, обгоревшего до рамы.

Двери, ведущие в дом, были сорваны, окна разбиты, по крошечному газону раскиданы вещи – полотенца, старинные печатные книги, мятый глобус, зафутболенный чьей-то ногой.

– Позвать? – боязливо прошептала Мальцева.

– Сначала поглядим, – решил Рома.

В коттедже царил разгром – что можно было поразбивать, нормы расколотили на мелкие обломки; стеллажи опрокинули, одежду раскидали, а на стене в гостиной, прямо над камином, начертали светящейся краской: «Хомо рулят!»

– Наташ, – тихо сказал Кнуров, – смотри, вроде комбез на тебя.

– Ты что? – округлила глаза девушка. – Это ж чужое!

Рома нахмурился.

– Не до того, – строго сказал он.

– Да... – сникла Малышева. – Тогда отвернись.

Выпускник послушно повернулся «кругом». Пошуршав, пошелестев, Наташа сказала:

– Все.

Черный блестящий комбинезон хорошо сидел на ней.

– Ну, как?

– Супер! – честно признался Роман.

– Тогда я и переобуюсь заодно...

Отдав УРу его «протекторы», девушка натянула на ноги мягкие полусапожки. Обувка пискнула, замигав зелеными огоньками на голенищах, принаравливаясь, адаптируясь по размеру.

– Ну, вот... – проворчал андроид, тоже обуваясь. – Совсем другое дело.

В столовой сорвался со стены шкафчик, упал с дребезгом, и все застыли, словно в игре «Фигура, замри!»

– Ой... – шепотом сказала Наташа.

Кто-то очень широкий и коробчатый показался в дверях. На большой круглой голове выделялись рожки...

– Ой, это же Робби! – обрадовалась девушка. – Привет, Робби!

– Привет, Наташа, – прогудел робот, на ходу шелестя псевдомышцами.

Видно было, что Кутновы имели склонность к консерватизму – выпущенный пятнадцать лет назад, Робби стал настоящим антиквариатом.

– Где Володя? Где все?

– Не имею информации, – рожки рецепторов на черепной коробке «универсальной рабочей машины» задвигались.

– Я здесь... – послышался слабый голос.

– Володька!

– Сейчас я...

Заскрипела разболтанная дверца шкафа, и оттуда на карачках вывалился худой длинноволосый парень. Кряхтя и держась за бок, он поднялся, оказавшись рослым, хотя и нескладным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.